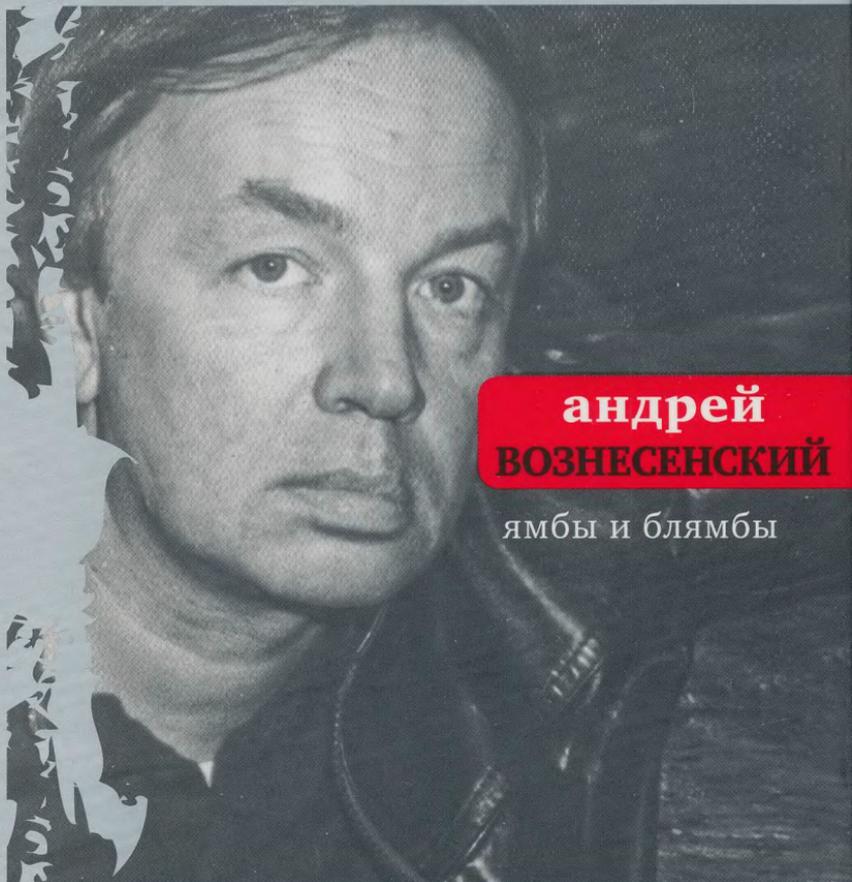

андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

**андрей
ВОЗНЕСЕНСКИЙ**

ямбы и блямбы

андрей вознесенский

Поэтическая библиотека

Серия основана в 1993 году

андрей вознесенский

Ямбы и блямбы

Москва 2010

УДК 821.161.1-1
ББК 84Р7-5
В64

Художественное оформление серии
Валерий Калныньш

Вознесенский А. А.
В64 Ямбы и блямбы. — М.: Время, 2010. — 176 с.: ил. —
(Поэтическая библиотека).

ISBN 978-5-9691-0539-3

Новая книга стихов большого и всегда современного поэта, составленная им самим накануне некруглого юбилея — 77-летия. Под этими нависающими над Андреем Вознесенским «двумя топорами» собраны, возможно, самые пронзительные строки нескольких последних лет — от «дай секунду мне без обезболивающего» до «нельзя вернуть любовь и жизнь, но я артист. Я повторяю».

ББК 84Р7-5

ISBN 978-5-9691-0539-3

© Андрей Вознесенский, 2010
© «Время», 2010

Что ты, милый, заkis?
Где ж улыбка твоя?
Может, кто мазохист,
это только не я.

Утешься битой бейсбольного.
Мертвец живёт без обезболивающего.

Обезумели — теленовости,
нет презумпции
невинности.

Христианская, не казённая
боль за ближнего, за Аксёнова.
Любовь людская: жизнь-досада.
Держись, Васята!
Воскрешение — понимание
чего-то больше, чем реанимация.
Нам из третьего измерения —
не вернуться назад, увы,
мысли Божии, несмиранные,
человеческой головы.

Разум стронется.

Горечь мощная.

Боль, сестрёночка, невозможная!

Жизнь есть боль. Бой с собой.

Боль не чья-то — моя.

Боль зубная, как бор,

как таблетка, мала.

Боль — как Божий топор —

плоть разрубленная.

Бой — отпор, бой — сыр-бор,

игра купленная.

Боль моя, ты одна понимаешь меня.

Как любовь к палачу,

моя вера темна.

Вся душа — как десна

воспалённая.

Боль — остра, боль — страна

разорённая.

Соль Звезды Рождества

растворённая.

Соль — кристалл, боль — Христа —

карамболь бытия.

Боль — жена, боль — сестра,

боль — возлюбленная!

*Это право на боль
и даёт тебе право
на любую любовь,
законы и славу.*
2008

ВЕРТИКАЛЬНЫЕ ОЗЁРА

КОГДА ЕСТЬ ТЫ

Теперь есть Ты.
Не пальцы у Тебя — персты.
И изгибался, как дуга,
Твой локон в форме черпака.
Текла река,
в ней — перистые облака
из пористого черепка,
все слепки божьей красоты...
Бог не был слеп —
во всём есть Ты.
Речь — о Тебе.
Ты помолчи.
Тебя копирует в ночи
серпообразный блик белка.
Ведь даже от твоей мочи,
прости,
исходит запах молока.

Теперь Ты есть.
Ты — недосказанная весть.
Охота к перемене мест
мне, вероятно, надоест.
Смешно ведь лезть на Эверест,
когда Ты рядом и близка.
Как хочется Тебя мне съесть —
всю, от носка и до носка.
«Не трапезничала с четверга?»
Ну что ж, заморим червячка!

Тащи, мечи на стол что есть —
стаканы, пару груш дюшес,
шпикачки из пикапчика.

Пока, пока, пока, покап...
по капельке — за наш пикап!
Ты отказалась наотрез:
«Сердечко барахлит слегка».
Как лёгкий трепет лепестка,
пошлю Тебя на УЗИ-тест.
Тчк.

Пока Ты держишься. Пока.
Ты помогаешь несть мой крест.
Я шёл судьбе наперерез —
мне «по» все говорили здесь,
одна Ты говорила «уеs».
Но сколько надо перенести,
перестрадать, перетерпеть,
чтобы сказать: Есть Ты теперь.
Есть теперь Ты. Теперь Ты есть.

P. S.

Климат становится теплей. ТЕПЕРЬ.
Не будет вечной мерзлоты. ТЫ.
Планета сядет на плоты. ЕСТЬ.
Мы выплывем, обняв мой крест.
2008

ДОПОЛНЕНИЕ К СТИХОТВОРЕНИЮ «КОГДА ЕСТЬ ТЫ»

Мы ехали с Тобой на форум
по форматворчеству,
участие для нас в котором —
как ноги в форточку!

Поскольку Главный Акробат
болел подагрой,
Арбат крутился абы как —
абракадаброй!

Вместо окон —
бей черепа!
Ты помнишь:
Твой локон —
в форме черпака?
Бог в помощь!

Орбакайте на фоне спектра,
гастарбайтер в форме госавтоинспектора,
гадости в форме радости,
горести в форме гордости,
всё таковое — в форме договора,
а совесть — в форме повести
в телепрограмме «Новости».

Ленкомовская крамола
в духе Ленинского комсомола.

Между ног Шарон Стоун —
бородёнка Льва Толстого
как вещдок.
В президиуме
призрак Аллена Гинзберга.

Барышников в воздухе!

Но главной на этом съезде-форуме
была весть, что мы снова вместе.

Что Ты есть. И в форме.
2009

***

Взгляд Твой полон одной любовью,
чувства прочие победа.
Я готов совершить любое
преступление ради Тебя.

Когда судьи мне кинут сроки —
от 8 лет до 108-ми, —
понимают они, жестокие,
что бессмертен я, чёрт возьми!
2008

ОТ ТРЁХ ДО ЧЕТЫРЁХ

Зое

В окошках свет погас,
умолкнул пустобрёх.
Пошел мой лучший час —
от трёх до четырёх.

Стих крепок, как и чай.
Вас посещает Бог.
Шла служба при свечах
от трёх до четырёх.

Как слышно далеко!
Как будто возле нас.
Разлили молоко...
Спустили унитаза...

Очередной москит?
Или поёт москит?
От трёх до четырёх
наш мир не так уж плох.

Люблю я в три проснуться,
в душе — переполох,
Конфуция коснуться
и спать без задних ног.

Кабина поперёк,
и Хайдеггер, дымясь
камином кочерёг,
попросвещает вас.

Пускай вы в жизни лох
и размазня-пирог,
но вы сейчас — пророк,
и смысла поперёк!

Я сам не разумел
идею, что изрёк,
но милиционер
вдруг взял под козырёк.

Становимся у касс.
Обломы за отказ.
Но в небе только час,
отпущенный для нас.

Жизнь — полусонный бред.
«Стилнокса» пузырьёк
прокладывает брешь
от трёх до четырёх!

Я без Тебя опять.
Как мне найти предлог,
чтоб досуществовать
от четырёх до трёх?

Кто в дверь звонит? Мосгаз?
Не слушайте дурёх.
И не будите нас
от трёх до четырёх.

2007

СПОЛОХ

1

Один, среди полей бесполоых,
иду по знакам зодиака.
Была ты чистой страсти сполох,
национальностью — собака.

Вселившийся в собаку сполох
меня облизывал до дыр.
И хвостик, как бездымный порох,
нам жизни снизу озарил.

Хозяйка в чёрном, как испанка,
стояла мертвенно-бледна —
собачий пепел в белой банке
протягивала мне она.

Потоки слёз не вытекали
из серых, полных горя глаз.
Они стояли вертикально,
чтобы слеза не сорвалась!

Зарыли всё, что было сполох,
у пастернаковских пенат.
Распрашивал какой-то олух:
«Кто виноват?» — Бог виноват!

А завтра поутру, бледнея,
вдруг в зеркале увидишь ты —
лик неспасённого шарпея
проступит сквозь твои черты.

И на заборе, не базаря
ещё о внешности своей,
роскошно вывел: «Я — борзая»,
а надо было: «Я — шарпей».

Герой моих поэм крамольных
оставил пепел на меже —
между пенатами и полем,
полузастроенным уже.

Между инстинктом и сознанием,
как на чудовищных весах,
меж созданным и мирозданьем,
стоит собака на часах.

Стоит в клещах и грязных спорах,
и, уменьшаясь, как петит,
самозабвенный чёрный сполох,
всё помня, по небу летит.

Как сковородка, эпилепсия
сжигала твой недетский ум.
Мы сами были как под следствием:
шёл Кризис. И сгорал «Триумф».

Меж вечностью, куда всем хочется,
и почвой, где помёт крысиный,
меж полной волей одиночества
и болью непереносимой.

Вот так-то, мой лохматый сполох.
Перетираются весы,

как будто inferнальный Поллок
измазал кровью небеси.

Не понимаю по-собачьи,
на русский не перевожу,
за пастернаковскою дачей
я ежедневно прохожу.

Пусть будь что будет. Се ля ви.
Похороните, как собаку,
меня, виновного в любви
к Тебе одной. Как к Пастернаку.

2

Притащу, как божия козявка,
тяжкий камень, тяжелей кремня.
Слышу голос: «Я — твоя хозяйка.
Как ты там сегодня без меня?»

Крайний может оказаться первым.
Убери морщиночку на лбу.
Нет шарпея. Надо быть шарпеем,
чтоб любить, как я тебя люблю.

Шёл снег, как тексты из учебников.
Проехали. Салам алейкум.
Прошёл поэт. Назвался Хлебников.
Мы поздоровались с Олегом.

2009

ОДНОЙ

Бежишь не от меня —
от себя Ты бежишь.
Рандеву отменя,
убегаешь в Париж.

На мобильный Сезам
объяснишь: «Например,
я внимала слезам
нотр-дамских химер».

Для того ль Тебя Бог
оделил красотой,
чтоб усталый плейбой
рифмовался с тобой?

Именины Твои
справишь, прячась в Твери.
Для чего выходной?
Чтоб остаться одной?

Ты опять у окна,
как опята, бледна.
Ничего впереди.
От себя не сбежишь.
Ручки тянет к груди
нерождённый малыш...

Не догонишь, хрипя,
длинноногий табун.
Не догонит себя
одинокий бегун.

Ночью лапы толпы
станут потными.
Не рифмуешься Ты
с идиотами.

Каково самой
владеть истиной,
чтобы из одной
стать единственной!

Стиснешь пальцы, моля,
прагматизм бытия,
гениальность моя,
Ты — единственная.

Среди диспутов,
дисков, дискурсов
Ты — единственная:
будь Единственной.

2 0 0 8

СКАНДАЛ

1

Большая жизнь столкнулась с малой.
В больнице, в коей я бывал,
развязывался экстремальный
скандал.

Студентка русской философии,
длинноволосая Далила,
отдутловато-малосольная,
свою соперницу давила.

Соперница казалась старше
и опытней в подобных битвах,
и странно, что при этом стаже
дрожали губы, как оббитые.

И красные её сандалии
(свидетельство об упаковке)
пунктиром крови и так далее
в пандан горящему сандауну
бежали до её парковки.

И в этом обоюдном вое,
друг другу нервы перепортив,
они забыли о герое,
что был в палате — дверь напротив.

Он сдал всю жизнь для этой малости,
весь пепел славы — что ж, ошибка?

«Вы выглядите, как мальва.
Увядшая». —
«Ах ты, паршивка!»

2

В наркологическом накале
дворцы обёртывались хижинами

и речь, скандальная и наглая,
казалась жалче и униженной.

А мы похлеще засандалим!
И за окном, под снегом дряблым,
ель, озарённая скандалом,
высвечивалась канделябром.

Шёл из лягушек дождь контрастный.
Жарища — как в Нахичивани.
Обе печалились о нравственности.
В них нравственность не ночевала.

И только крохотные эго,
для ясности в каком-то плане,
как будто рухнувшее эхо
надежды и разочарования.

И окончательно позорны
все поражения и победы.
И вертикальные озёра
крутились, как велосипеды.

А вам кто больше, дорогая:
стихия памяти иль малость,
что с вами вместе догорала?
Иль зорькой только занималась?

3

Про спор соперниц он не слышал,
разборку пропустил такую.

***

Сиделка в синем сарафане
спит, как сарделька в целлофане.
Во сне летает на сафари.
Как? Прицепив на попу фары!
И просыпается в поту
красавица. В минуту ту.
2008

ТЕЛЕФОН

Кафе. Неглиненная
или Трубная.
Гудки длинные.
Возьми трубку.
Слова полые,
словам хрупко,
их трубка полная —
возьми трубку.
Возьми горячую,
возьми правду
своими пальчиками
прохладными...
Я же не лезу
тебе под юбку.
Ушла? Прелестно!
Возьми трубку.
Гудки длинные.
Обрыв на линии?
Интрига Круппа?

Возьми трубку!
Тебя зарезали?
Скажи труппе
ради поэзии
взять трубку.
В эфире модную
крутят группу.
О чём поёт она?
«Возьми трубку!»
Вы все свидетели
моей печали.
Чтобы ответили,
чтоб трубку взяли.
Ты безответная,
неужто трудно
хоть раз в столетие
взять трубку?
2007

ТЕНЬ ВЕРТИКАЛЬНАЯ

Ты приехала на заработки
с Украины.
Ты готовишь мне утром завтрак
с укоризной.

Не с обидою,
но с укором —

представителю жизни сытной
за забором.

Почему к нам, ломая рельсы, —
смех сквозь стоны —
мчат китайцы, мордва, корейцы —
миллионы?

С ними, в маечке чемпионской,
из ненастья,
прилетела ты, журавлёночек,
голенастая.
Незамужняя, незалежная,
сердце мучая бесполезностью,
и здоровьем — не железная.

Чтоб меня убережь, преступника,
от падения,
ты за мной неотступною
бродишь тенью.

Всем приятелям моим —
не бездарным! —
ты казалась соглядатаем,
жандармом.

Почему в многолюдстве хочется
абсолютного одиночества?

Странно мне:
больше свету?
Ты как тень на стене —
стены нету.

Когда в зеркале раскорячусь,
шарф надену,
вижу взгляд твой укоряющий
через стену.

Как два угля раскалённых
жгут мне спину.
Только скоро я, журавлёночек,
вас покину.

Улечу, где нет ни Останкина,
ни Ватикана.
Я уйду.
А ты, Тень, останешься
вертикально.
2008

ГЛАМУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1

На журнальных обложках — люрексы.
Уго Чавес стал кумачовым.
Есть гламурная революция.
И пророк её — Пугачёва.

Обзывали её Пугалкиной,
клали в гнёздышко пух грачёвый.
Над эстрадой нашей хабалковой
звёзды — Галкин и Пугачёва.

Мы пытаемся лодку раскачивать,
ищем рифму на Башлачёва,
угощаемся в даче Гачева,
а она — уже Пугачёва.

Она уже очумела
от неясной тоски астральной —
роль великой революционерки,
ограниченная эстрадой.

Для какого-то Марио Луцци
это просто дела амурные.
Для нас это всё Революция —
не кровавая, а гламурная.

Есть явление русской жизни,
называемое «Пугачёвщина», —
сублимация безотчётная
в сферы физики, спорт, круизы.
А душа всё неугощённая!
Её воспринимают шизы
как общественную пощёчину.

В ресторанчике светской вилок
ты расчёсываешь анчоусы,
провоцируя боль великую —
Пугачёвщину.

На Стромынке словили голого,
и ведут, в шинель заворачивая.
Я боюсь за твою голову.
Не отрубленную. Оранжевую.

2

Галкин — в белом, и в бальном — Алла, —
пусть летают в гламурных гала.
Как «Влюблённые» от Шагала.

В небе, словно алая кровь,
вместо общего «фак ю офф!»,
чтоб страна, обалдев, читала,
ночь фломастером написала:
«ГАЛКИН + АЛЛА = ЛЮБОВЬ».

2008

2.009

Справочная?
009?
С праздничком!
Но что нам делать?

«Общий кризис, убирайся!» —
с этим солидарны мы,
и французы, и китайцы,
и великие умы.

Кризис стал всеобщей темой.
Души сковывает тьма.
Омертвевшая система
бестелесного ума.

Православные, брахманы,
греки с веками богинь,
оглашенные у храма
возглашают: «Кризис, сгинь!»

Не уходит. Упирается.
Кризис, он не идиот.
Хочет нового пиратства.
Не сожрамши, не уйдет.

«9» схоже с DV-дисками.
Обращаясь ни к кому,
Грибоедов с Десятинского
«Горе, — говорит, — уму!»
31 декабря 2008

СМЕРТЬ НОЛИКА

Памяти Наума Олева

Нетто нолито.
Нету Нолика.

Нету Нолика на мобилке.
Остались счета в конверте.
Он купил для себя могилу
за полгода до смерти.

Опоздала жена его, Галя,
жмурик Нолика победил,

одноглазо сестёр пугая,
зажмуренный 01.

Выезжал на машине Ногия,
мчал через наш лепрозорий.
Очень многие длинноногие
не считали это позором.

Гений нас прельщает новеньким,
ходит, будущее потрогав.
Вслед толпятся крохотно нолики
в очередь за автографом.

Загнёмся, живя без Нолика,
агностика и параноика.

Кремленологи и кинологи,
лунолики и не просты,
есть крестики кроме ноликов,
Господи, их прости!

И когда моё сердце ноет,
будто он на меня глядит,
герой ночи, великий Нолик,
каплей крови моей летит.

Не то нолито.
Нету Нолика.
2009

ЧУЖЕРОДНОЕ

Родные берега,
родные берега,
родные берега —
  где жили,
вы стали навсегда,
родные берега, —
  чужими.

Чужие берега —
чужие берега,
чужие берега,
  отныне
вы стали навсегда,
чужие берега, —
  родными.

2008

БЕЗ «Б»

Л. Б.

Смех без причины —
признак дурачины.
Ещё водочки под кебаб!
Мы — эмансипированные мужчины
без баб.

Часы с вынутою пружиной —
возлежит на тарелке краб.

Тезаурусные мужчины,
мы — без баб.

Слово «безбабье» — ещё в тумане
обретёт суммарно масштаб.
Беседуют же с Богом мусульмане
без баб?

Вот Валера, дилер из Саратова,
с детства несколько косолап,
кто бы знал об его косолапости
без баб?

Или баба — глава издательства.
Получается групп-издат.
И поборы, и издевательства.
Как на лошадь надеть пиджак.

Без болтливости, что не вынести,
без капканчиков вечных «кап-кап» —
без покровительской порно-невинности,
без баб.

Без талантливоего придыхания,
без словарного курабье,
дыроколы пока отдыхают
без «б».
Устаёшь от семейной прозы.
Мы беспечны, как семечек лузг.
Без вранья люксембургской Розы —
люкс!

Сжаты в «зебрах» ночные трещины,
достигается беспредел.
Наша жизнь — безрадостиженщина.
Нам без разницы, кто сгорел.

Рядом столик из разносолов —
стольник шефу от поп, сосков,
от восьми длинноногих тёлочек
без мужиков.

«На абордаж!» — пронеслось над пабом.
Все рванули на абордаж.
И стол, принадлежавший бабам, —
ножки вверх! — полетел на наш.

И пошло: визг, фуражки крабьи,
зубы на пол, как монпансье...
(Мой котёночек! Ты — мой храбрый!..
Уберите с меня свои грабли!)
Бьют швейцара из ФСБ.
Так накрылась идея безбабья.
Точно клякса под пресс-папье.

Я бездарно иду домой:
все одежды мои развешаны.
Пахнет женщиной распорядок мой.
И стихи мои пахнут женщиной.

Будто в небе открылась брешина.
И мораль, ни фиги себе:
«В каждой бабе ищите Женщину!»
Но без «б».

2008

РАЗНЫЕ КНИГИ

Бог наполнил Библию
страшными вещами,
варианты гибели
людям возвещая.

Это продолжалось
болью безответной —
беззаветной жалостью
Нового Завета.

Зависти реликтовые
после отзовутся
завистью религий,
войн и революций.

Вечностью застукана,
тлением оставлена,
вещая преступность
Ленина и Сталина.

2008

НОВОГОДНИЕ ПРОГУЛКИ С СЕКСОМ

Попискивает комарик,
плывёт в Новый год кровать.
Оставив меня кемарить,
пошёл мой Секс погулять.

По барам, местам приватным,
по бабам, что станут «экс».
Пугая экспроприаторов,
пошёл погулять мой Секс.

По-гоголевски про нос он,
пел песенку, муча плебс,
с невыветрившимся прононсом,
как будто Григорий Лепс.

Перекликаясь саксами,
собой друг друга дразня,
с четвероногими сексами
прогуливаются друзья.

На набережной Стикса
фонари принимают душ.
Тень от моего Секса
доходит до Мулен Руж!

Такая страшная сила
меня по миру несла —
сублимированная Россия,
Евангелие от Козла.

Рождаясь и подыхая,
качающийся, вознесён
с тобой на одном дыхании
кончающий стадион.

В год Новый — былые выгоды.
За выдохом следует вдох.

Из жизни, увы, нет выхода.
И женщина — только вход.

Расстреливающий осекся.
Расстреливаемому — под зад.
Вы видели моего Рекса?
На место, мой Рекс,
назад!

2008

***

Ты чувствуешь, как расправляется
лицо, уставшее от fucking?
Так утром снова распрямляются
дождём побитые фиалки.

2008

***

Пей отраву, ешь «ризотто»,
но последняя строка —
линией горизонта
будет жить наверняка!

2008

ОДА МОЕЙ ЛЕВОЙ РУКЕ

Рука, спасибо за науку!
Став мне рукой,
ты, точно сука, одноуха,
болтаешься вниз головой...

Собаки — это человечье,
плюс — animal.
Мы в церкви держим в левой свечи,
чтоб Бог нас лучше понимал.

А людям без стыда и чести
понять помог
мой аргумент мужского жеста,
напрягшегося, как курок.

Ты с женщинами непосредственно
вела себя.
Ты охраняешь область сердца, —
боль начинается с тебя.

Ты — это мой самоучитель,
ноты травы.
Сегодня все мои мучители —
это мучители твои!

Когда ж чудовищная сила
меня несла —
башку собою заслонила,
меня спасла...

Но устаёшь от пьедестала.
Моя ж рука,
вдруг выкобениваться стала,
став автономно далека.

Я этот вызов незаконный
счёл за теракт!
Но — хочет воли автономий
анатомический театр!

Я твой губитель, я — подлец.
Ты чахла.
Обёртывалась новой чакрой
неизлечимая болезнь.

Ты мне больничная запомнилась.
Забуть нельзя.
Лежишь, похожа на омовца,
замотанная по глаза.

Не помню я тебя скулящей,
когда, скорбя,
мы с мировыми эскулапами
осматривали тебя.

Как мог я дать тебя кромсать
ножам чужим и недостойным,
мешая ненависть со стоном?!
Так, вашу мать!

Междоусобны наши войны.
Дав свою плоть,
мы продаём себя невольно
и то, что завещал Господь.

Мне снится сон: пустыня Гоби.
На перевязи, на весу,
как бы возлюбленную в гробе,
я руку мёртвую несусь.

Возлюбленная — как акула.
Творя инцест,
меня почти совсем слотнула,
ещё секунда — сердце съест!

Прощаюсь с преданною жизнью.
Рука ж вполне
здоровая — на ней повисну,
как тощий плащ или кашне.

2007

ПЛАЧ ПО ЮНОСТИ

Когда проходит молодость —
кранты миропорядку!
Как будто в вашем мобиле
украли подзарядку.

Когда проходит молодость,
не бегайте по знахарям.

Вас озарит, как молния,
изнанковыми знаками.

Ведь секс — не только
молодость.

Себе не изменяя,
займитесь, как сейсмологист,
иными временами.

2007

БГ — ДЛЯ ДВОИХ

*Борис Гребенщиков —
Брысь! для гробовщиков.*

Пускай фанаты в Переделкине
ждут на пеньках.
Он пел ва-банк.
Он написал на беспределе:
«Буддийский панк».

Из гроба вычехлив гитару,
буддист, но без бубенчиков.
Он пел нам новое и старое —
Б. Г. — Борис Гребенщиков.

Он пел для нас одних с тобою.
Намокли ягоды в кулке.
И Бог невидимой рукою
держал бородку
в кулаке.

И почему на нём написано
дурацкое: «Буддийский панк»?!
2007

БЕЛЛАДА

*Сколько нам сѹлит аварий
родендроновский синдром?
Сколько раз нам закрывали,
Белла, твой аэродром?*

За полвека правления Беллы,
государыни русской поэзии,
в нас поэзия подобрела,
государственно бесполезная.

Непростительно, что поэты
не приносят конкретной пользы:
даже пользователи Интернета,
и те хотят летать — не ползать.

Белла выглядела неслабо:
Белла ждёт авиатрапа,
как Сатурново кольцо,
под аэродромом шляпы
светит белое лицо.
(Русские Манон Леско
любят белое лицо.)

И с её аэродрома,
как с ладошки малыша,

Продают в ночных электричках
твои краденые рентгены.

Сами мы себе как атланты.
Наша творческая судьба —
стать рабом твоего таланта,
как сама ты его раба.

Белокаменные палаты,
разрушающие децибелы
мне страшнее, чем все Бен Ладены,
если ты отвернёшься, Белла.

Белла мне не отвечает,
думая: «Как всё ветшает».
Может, думает она:
«Господи, пошли все на...»

Хорошо летать без кляпа.
Подо мной Москва проплыла.
Точно тень от Беллиной шляпы,
накрывает её тень крыла.

Но уже подо мной Тироль,
машет шляпа ночными перьями.
Не бывает Беллы II.
Белла — Первая.
2007

РАСТВОРЕНИЕ

Я обожаю твои вареники
с тёмной вишнею
для двух персон.
Стихотворение есть
растворение
меня в тебе
и тебя — во всём.

Стихотворение.
Тобой навеяно.
Оно — растворённое в ночь
окно.
Ты никогда не варила
вареники.
Стихотворению всё равно.

Стихотворение лежит
за речкою,
где, отражаемые росой,
коленки закидывают вверх
кузнечики,
как мы закидывали с тобой.

Я принимаю благоговейно
ликбез могил и небес акрил.
За предстоящее претворение
в Того, Кто истину мне открыл.
2007

ЦЕЛЕБНАЯ ТРАВА

Среди поклонников настырных,
стиляг и бумагомарак
ты спросишь: «Пастернак — пустынный?»
Пустырник — это Пастернак.
2008

ЖИЗНЬ

Благодарю за ширь обзора,
за Озу, прозу, и в конце —
за вертикальные озёра
на ненакрашенном лице.
2007

ЭКС

Золотая осень.
Медная дорога.
По полям разбросаны
экскременты Бога —

города и шахты,
славы монументы...
Креозотом пахнут
Божьи экскременты.

Хозяева Завидова,
ловцы аплодисментов —
все — только разновидности
духовных экскрементов.

На постной твоей роже
написано одно:
«Пусть вы дерьмо, но — Божье,
я Божье, но — дерьмо».

2008

БЛАГОДАРСТВИЕ

Постамент — Рейхстаг. Мать его растак!
Стяг пронёс рядовой Кантария.
Мы сменили стяг. Это нам пустяк.
Но душа — навек благодарная.

Благодарствую, русский мой народ.
Я за то тебе благодарствую,
что твой принцип делать наоборот
не усёк урод государственный.

Раза три приходилось меня спасать —
времена для нас были трудные.
Но тебе спасать было как поссать —
вещь интимная, неприлюдная.

Благодарен Тебе — твой неясный след
точно раннее рандеву.

Рандевушки нет, но рандевушки свет
отпечатался наяву.

Я студентиков благодарствую
постгодаровских и т. п.
В свете творческих их катарсисов
Ты в веночке из трав лекарственных —
жив я благодаря Тебе.

2008

Я ВСЁ НЕ СДОХНУ

Не могу спать.
Мне лезет в окна
75.

Месяц проищем —
ушёл в ущерб.
7 — топорище,
5 — серп.

Жизнь полосата,
как шкурка зебр.
Смотрят с фасада
молот и серп.

Детства эмблема,
молодой синдром,
ещё вам не время,
серп с топором!

Висит над Косовом
Серпский позор.
Серп високосный —
Топор — попёр.

Кровавых версий
Не мог не знать
Вознесенский-75.

Я горы двину
под крик: «Винись!»
Серп серпантином
несётся вниз.

Я спрячусь в улицы —
мне из толпы
люди сутулятся,
как топоры.

Я не раздваивался,
как Агасфер.
Не я разваливал
СССР.

За что же, следуя
за мной в упор,
меня преследуют
серп и топор?
2008

КТО ЧЕЙ?

1

Мракобес, но не бездарен
муж Дарьин.

2

Не плох. Лоялен.
Лох Лялин.

3

Красавец.
Болгарин.
Пас овец.
Сперва — Танькин, потом — Галин.

4

Максим Галкин
максимално Алкин.

5

Против скотин и гадин
друг Катин.

6

У самого Самарина
дочь — подружка Марьина.

7

Замусолен,
как муж Зоин.

8

Нашим сварам параллелен
дрыхнет собачара Ленин.
2008

ЛИННЕЙ

Тень от носа — подлинней
всех нотатений и линей.
Так говорил старик Линней:
«Всё подлинное —
подлинней».

2008

ТАНКЕТКИ

1

В Латвии — сложно жить.
Рощица на ветру.
Корнями соединимся!

2

Пастообразная паства.
Интриги кардиналов.
Папа Пий XVII.

3

Триумф порнографии.
40 тысяч любовников.
Она невинна.

4

Японские сосны похожи на фунт стерлингов.
Японское солнце искажало черты истериков.
Мы их латифундии стёрли off.

5

Япона мама!
Вам уже мало
банка с русской фамилией «Стерлингов»?!
2008

ИГРАУРА

К а з а л о с ь:

Офшоры в Замбии.

Краса, чтобы лапать.

За подвиги!

Барбекю.

Персональное

Усама Бен Ладен.

Тинторетто.

Гонорар.

Цветаева.

Кисет, полный песет.

2008

О к а з а л о с ь:

Шофёр-зомби.

Коса, плетённая, как лапоть.

Из-за Твигги.

Барби, ку-ку!

Перс — анальное.

Не дал неба массу.

Тарантино.

Гонор-арт.

Цвета Ева.

Полный привет!

ЕЁ СОН

Я тело мальчика нашла,
замотанного, тяжеленного,
его тащила по Вселенной,
едва до Рая донесла.

Тряпица с плечика сползла,
открылось крылышко, сползая.
Тебя я, ангел мой, спасла,
не зная, что себя спасала.

2009

АРХИТЕКТОР

1

Глобальное потепление
хлюпает над головой.
Семидесятипятилетие
стоит за моей спиной.

Я хрупкие ваши камеи
спасу, спиной заслоня.
Двадцатого века камня
летят до вас сквозь меня.

Туда и обратно нелюди
сигают дугою вольтовой.
Стреляющий в Джона Кеннеди
убил Старовойтову.

Нет Лермонтова без Дарьяла.
В зубу от пули першит.
Стою меж веков — дырявый,
мешающий целиться щит.

Спасибо за вивисекции,
нельзя, говорят, узнать
прежнего Вознесенского
в Вознесенском-75.

Госпремия съела Нобеля.
Не успели меня распять.
Остался с шикарным шнобелем
Вознесенский-75.

К чему умиляться сдуру?
Гадать, из чего был крест?
Есть в новой Архитекстуре
Архитекстор и Архитекст.

2

Люблю мировые сплетни.
В семидесятипятилетие
люблю про себя читать
отечественную печать.

Но больше всех мне потрафила
недавняя фотография,
которую снял Харон,
где главная квинтэссенция
в подписи:

«Вознесенский
в день собственных похорон».

Газета шлёт извинения.
А «Караван историй» —
печатает измышления,
что в Риге или в Эстонии
я без смущения всякого,
у публики на виду,
имел молодую Максакову
как падающую звезду.

Редактор, что вы там буровите?
Вас вижу в восьмом ряду.
Напиши вы такое о Роберте —
он бы передал вас суду.

А дальше — про дачи в Ницце,
валютный счёт за границей
и бегство из психбольницы
в компании сеттера...
А дальше — etc.

Всё это незелегантно,
но я отвергаю месть.
Публикаторы — аллигаторы,
но дети их хочут есть.

«Лежит на небесах для быдла
тарелка, как патиссон.
А женщин у него было
в жизни — до четырёхсот.

Прятели его были круче:
“Колонный взят, мужики!”
Второй, любовницами окученный,
собрал — Лужники!

Как пламенный танец фламенко
таит и любовь, и месть —
сам выбрал театр Фоменко
на четыреста пятьдесят мест».

На всё была воля Божья.

Вознесенский-75,
не так эту жизнь ты прожил,
родившийся, чтоб понять —
зачем в этот мир, не засранный
продуктами телесистем,
мы, люди, посланы, засланы —
куда и зачем?

3

Все юбилеи — дуплетные.
И вам, несмотря на прыть,
семидесятипятилетие
нельзя повторить.

Спасибо, что я без срама
дожил до потери волос.
За Бродского, за Мандельштама,
которым не довелось.

За Вас, Борис Леонидович,
за Вас, Анна Андреевна.
Вашей судьбе позавидуешь,
Вы — Волк на плечах с Царевной.
Я счастлив, что мы увиделись
задолго до постарения.

4

Поэты чужды гордыни,
для них года — ерунда.
Были б стихи молодыми,
значит, муза была молода.

Спасибо за «встречи с Хрущёвым».
За критические затрещины.
Пришла воскресеньем Прощёным
сменившая имя женщина.

Ведь имя не только хреновина,
а женщина, как Земля,
тобой переименована,
значит — навеки твоя.

Спасибо, что век нас принял,
спасибо, что миновал.
Что я изобрёл Твоё имя,
Тебя переименовал.

Всё это носится в воздухе.
А Афанасий Фет,
сирень окрестивший «гвоздиком»,
стал первый её поэт.

5

Когда-то в рассветном дыме
мы были, дура народ,
самыми молодыми.
Теперь же — наоборот.

А может, правы массмедиа —
хвалимый со всех сторон,
и правда, я стал свидетелем
собственных похорон?

Прорвавшиеся без билетика
и слушающие нас сейчас,
семидесятипятилетними
хотел бы представить вас.

Скажу что-то очень простое,
как секс у Бардо Брижит,
за что умирать не стоит,
а попросту стоит — жить.

Умрут живые легенды,
скажу, отвергая спесь:
есть русская интеллигенция!
Есть!

Пресса к Наине Ельциной
выказывает интерес:
есть русская интеллигенция!
Есть!

Конечно, с ингредиентами
Вознесенского можно съесть.
Но есть русская интеллигенция.
Есть!

Я был не только протестом.
Протест мой звучал как тест.
Я был твоим Архитектором.
Пора возвращаться в Текст.
2008

ЧАСОВНЯ АНИ ПОЛИТКОВСКОЙ

Поэма

Memento Anna

Часовня Ани Политковской
как Витязь в стиле постмодерна.
Не срезаны косой-литовкой,
цветы растут из постамента.

Всё не достроится часовня.
Здесь под распятьем деревянным
лежит расстрелянная совесть —
новопреставленная Анна.

Не осуждаю политологов —
пусть говорят, что надлежит.

Но имя «Анна Политковская»
уже не им принадлежит.

Была ты, Ангел полуплотская,
последней одиночкой гласности.
Могила Анны Политковской
глядит анютиными глазками.

Мы же шустрим по литпогостам,
политруковщину храня.
Врезáла правду Политковская
за всех и, может, за меня.

И что есть, в сущности, свобода?
В жизнь воплотить её нельзя.
Она лишь пониманье Бога,
кого свобода принесла.

И что есть частная часовня?
Часовня — лишь ориентир.
Найти вам в жизни крест тесовый,
который вас перекрестил?

Накаркали. Накукарекались.
Душа болеет, как надкостница.
Под вопли о политкорректности
убили Анну Политковскую.

Поэта почерк журавлиный.
Калитка с мокрой полировкой.
Молитвенная журналистика
закончилась на Политковской.

Ментам мешают сантименты.
Полгода врут интеллигентно.
Над пулей с меткой «Политковская»
черны деревьяе позументы.

Полусвятая, полускотская,
лежит в невыплаканном горе
страна молчанья, поллитровок
и Чрезвычайного момента —
Memento mori.

Часовёнок

Мы повидались с Политковской
у Щекочихина. Заносчив
был нос совёнка-альбиноски
и взгляд очков сосредоточен.

А этот магнетизм неслабый
мне показался сгоряча
гордыней одинокой бабы,
умеющей рубить плеча.

Я эту лёгкую отверженность
познал уже немолодым,
что женская самоотверженность
с обратной стороны — гордынь.

Я этот пошляковский лифтинг
себе вовеки не прощу,
что женщина лежала в лифте,
лифт шёл под землю — к Щекочу.

Никакой не Ангел дивный,
поднимающий крыла.
Просто совестью активной
в этом мире ты была.

Мать седеет от рыданья.
Ей самой не справиться.
Ты облегчишь ей страданья,
наша сострадалица.
Ты была совёнок словно.
Очи. Острота лица.
Есть святая для часовни
Анна Сострадалица.

Нас изменила Политковская.
Всего не расскажу, как именно.
Спор заведёт в иные плоскости,
хоть нет часовни её имени.

Она кометой непотребной
сюда явилась беззаконно.
В домах висят её портреты,
как сострадания иконы.

Не веря в ереси чиновние,
мы поняли за этот срок,
что сердце каждого — часовня,
где вверх ногами — куполок.

Туда не пустит посторонних,
седой качая головой,
очкарик, крошка-часовёнок,
часовенки той часовой.

Молись совёнку, белый витязь.
Ведь Жизнь — не только дата в скобках.
Молитесь, милые, молитесь
в часовне Анны Политковской.

Чьи-то очи и ланиты
засветились над шоссе! —
как совёнок, наклонившийся
на невидимом шесте.

Блуждающая часовня

Часовни в дни долгостроения
не улучшали настроения.

Часовня — птица подсадная,
она пока что безымянна,
но у любого подсознания
есть недостреленная Анна.

Я обращаюсь к Патриарху
услышанным сердцебиением,
чтоб субсидировать триаду —
Смерть. Кровь. Любовь —
всем убиенным!

Пусть придут инвестиции,
пусть побеждает баснословно
души спасенье возвестившая
блуждающая часовня.

Блуждающая меж заблудших,
кто отлучён катастрофически,

кто облучён сегодня будущим,
как гонщики и астрофизики.

Сосульки жмурятся, как сванки,
окошко озарилось плоской,
блуждающей часовой — Анной
Степановной Политковской.

Неважно, кто Телец, кто Овен,
прислушайтесь — под благовест
идёт строительство часовен.
Когда достроимся? Бог весть!

Имя твоё — внеплановая листовка:

АННА СТЕПАНОВНА ПОЛИТКОВСКАЯ 7.10.06.

Седьмое.
Десять.
Ноль шесть.
Не много земного.
Дерзость — но крест.
Синь смога.
Дескать — но есть.
Немого детства
Норд-Вест.

Умолчит ли толпа безликая?
Чеченская ли война?

Взирает на нас Великая
отечественная вина.

Ответственность за содеянное —
не женщин и не мужчин —
есть Высшая Самодеятельность
иных, не мирских причин.

Обёртывается лейкозией
тому, кто шёл против них, —
такие, как Политковская,
слепой тех сил проводник.

Курит ли мент «ментоловые»,
студента судит студент,
на нас проводит винтовка
следственный эксперимент.

След ниточкой дагестанской
теряется среди лавин.
Жизнь каждого — дегустация
густых многолетних вин.

Ждёт пред болевым порогом,
прикрыта виной иной,
моя вина перед Богом
и Бога — передо мной.

Общественные феномены
голода и Чечни...
Бывает народ виновен?
Формулы неточны.

Никто убийц этих не видел.
Приметы несовковые:
мужчина ввинчен в белый свитер
плюс женщина очковая!

Февральский эпилог

Над кладбищем над Троекуровским
снег — как колонны с курватурами.

Сметаем снег с Твоей могилы.
— А где ж дружки её? Чай, скурвились? —
изрёк шофёр. — Помочь могли бы.

А рядом хоронили муровца —
салопы, хмурые секьюрити,
шинели и автомобили.
Поняв, что мы — твои тимуровцы,
к нам потеплели и налили.
Шофёр наш, красною лопатою
перебирая снег, поморщился.
Водка — не лучшая помощница.

Лампадки, чьи-то бусы, лапотник
«Новой газеты», траур. Лабухи
и мальчики тебя любили.
Февральские снега обильные...

Лишь ленты деревца могильного
в снегу чернели, как мобильники.

Что снится Вам, Анна Степановна?
Поле с тюльпанами?

Кони с тимпанами?
Сынок с дочуркой мчатся кубарем.
Бутыль шампанского откупорим.
Жизнь? Чеченцы с терренкурами?
А за оградой Троекуровской
убитый с будущим убийцей
пил политуру, кушал пиццу,
делился с ним запретным куревом,
девицу в кофточке сакуровой
улещивал? — Наоборот!

Гриппозные белели курицы.
Секьюрити-мордоворот
следил, как «роверы» паркуются.
Народ они имели в рот.
И ждали девку белокурую
два хулигана у ворот.

Читатель мой благоразумный,
не знаю, чем тебя завлечь?
Я обожаю нецензурно
неподражаемую речь!..

Куда ведёт нас жизни уровень,
полусвятой, полубесовский?
Поставь свечу на Троекуровском
в часовне Анны Политковской.

И в наше время коматозное
по Троекуровским пределам
дымок, курясь над крематорием,
попыхивает чем-то белым.

2007

***

Утром вставши, порубавши,
духи бешенства и огня
как смирительную рубашку
натягивают меня.

Сколько мужества, сколько муки
в этой близости роковой!
Волосатые чьи-то руки
из моих торчат рукавов.

Скажу милостивым государям:
собирателен мой удар.
Кто скрывается за ударом —
Маяковский или Ронсар?

Через гойевские «Капричос»
просвечивал правды клык.
Сквозь сегодняшние «Кирпичики»
просвечивает мой крик.

2008

ПОХОРОНЫ АБДУЛОВА

1

Провожала Москва Абдулова.
Толпы безголовые тулова.
Он был нашим «а» и «б»
в алфавитной темной судьбе.

Вслед «д» продудело про
Дело или Добро?

2

Лежал Александр Абдулов
картинно среди страны
без курева, без загулов —
Тарантино из Ферганы.
Лицо остывающей грелкой,
вернее, что было лицом,
летающею тарелкой
уносится за «Ленком».
Мы, с лычками и без лычек,
с толпою заподлицо
слепые идём, безликие,
потерявшие своё Лицо.
Лицо его плыло сбоку,
красиво, как полубог,
тинейджеровскую скобку
сменивши на полубокс.
Он был номинантом нации.
Я понял, какой ценой
он «с 1-го по 13-е»
спел, будто прощаясь со мной.
Лежал он уже не прежний,
сжигавший себя дурак,
с улыбочкой небрежной,
натянутою на рак.
Бабы жгли его кислотую,
меняли его черты.

Ах, времечко золотое!..
Любовь — финал доброты.

3

Клял почвенник Мрак хазаров,
но без хазаров — развал.
Озабоченный Марк Захаров
гениальным тебя назвал.
Молва, как штаны брезентовые,
останется после всех.
Модели твои бессмертны.
Но смертен ты, человек.
Москва провожала Абдулова.
Милиции сняв кольцо,
толпа безликая сдуру
молила вернуть Лицо.
Придёт ли сигнал оттуда?
Верните лицо Москвы!
Дома разъезжались, будто
всадники без головы.

4

Ты преодолел заторы,
но соблюдал посты.
Спасая мир Красотою,
себя не сумел спасти.

Саша, прости!

2008

КОРМЛЕНИЕ ИЗ ПАРИЖА

По прямому парижскому проводу,
как питаются через зонд,
перевариваю доводы
продолжательницы Жорж Занд.

Я заглатываю с проводами
целиком.
Над леском пробегают дома,
рекламирующие «Ленком».

Ты рассказываешь мне больше
про Парижи иных эпох.
Осторожней с Эйфелевой башней —
поцарапает мне пупок!

Как свидетельство той кормёжки
посреди Воробьёвых гор,
как платочек в грудном кармашке,
поднимается Сакре-Кёр.

Я в Париже бывал немало,
но такого, как Ты, не знал —
его ночь меня обнимала,
животом его понимал,

как картинка из серии Цейса,
хорошо хоть душа жива,
хорошо, что в этом процессе
не участвует голова.

Наши медики прозевали
независимое нутро,
где таится душа живая,
как под нами идёт метро.

Накорми же меня, партизаночка,
к удивлению парижан.
Все мужчины — как башня Пизанская.
Ты прозрачна — как пармезан.

2009

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ

От рассвета до рассвета
себя, тебя любя,
как видеокассету
засовывал в тебя.

Часть моего, бесспорно,
достанется толпе,
но главное — сквозь поры —
останется в тебе.

Останется истеблиш.
Красу не изменяя,
ты вдруг немного станешь
похожей на меня.

Я из твоей одёжки
гляжу как в дырки джинс.

Живу, пока живёшь ты,
моя вторая жизнь.
2009

Ф-КИ

Ухаживали. Фаловали.
Тебе, едва глаза протру,
фиалки — неба филиалы —
я рвал и ставил поутру.

Они из чашки хорошели.
Стыдясь, на цыпочках, врасяг
к тебе протягивали шеи,
как будто школьницы в гостях.

Одна, отпавшая от сверстниц,
в воде стоящая по грудь,
свою отдать хотела свежесть
кому-нибудь, кому-нибудь...

Упёршись в чашку подбородком,
как девочка из «Де Маго»,
ждёт жестом эротично-кротким —
но — никого, но никого.
2008

К ОБРАЗУ

Ты понимаешь, с кем связалась?
С самим, быть может, Князем зла.
Гитара коброй развязалась,
по телу кольцами ползла.

Когда играешь ты на шару
в концерте, сердцу вопреки,
прошу тебя — стряхни гитару
с остановившейся руки.

Но каждым вечером я в шоке:
так гипнотически стоит,
как кобра, раздувая щёки,
в тебя нацеленный пюпитр.

2008

Я — АВВАКУМ

Поэма

*Чюдно! Давеча был блядин сын,
а теперево — батышко.*

Аввакум. Житие

Пролог

Автопортрет или привидение?
Старик, исчадие моих дум?
Кто глядит из воды бадейной?
Вы, Аввакум?

Когда бы меня спросили,
ответчу не наобум:
**Кто национальная идея России? —
Аввакум!**

Я — Аввакум,
патриарх обездоленных,
бездомных, без денег, без грёз,
без Долиной.
Я обогнул,
патриот раздолбанный,
край, который Бог не курировал.
Я — вакуум.
Я протеже хулиганских фортун...
Я — Аввакум.
Я сентиментальность затабуировал,
обезболивание эвакуировал.
Я — патриарх
сегодня уволенных.
Я — архитектор
толпы в бейсболках.
Тех, кто собаки, и тех, кто волки.
Я — вакуум,
втягивающий их боли,
Я Аввакум.
Я Аввакум,
волокум за волосы,
я певун,
лишившийся голоса.
Я — Аввакум.

Мимо летят поезда пунктирные,
взоры осенние — с паутинками.

Здесь я родился, я жил рисково.
Я за единство путём раскола.
Вся заваруха — виной чиновники —
в кризисе духа,

а не в экономике.

Вакуум духа губит гостело.
Нет ни Обуховой, ни Гастелло.
С фирмами — худо,
с фильмами — туго.

Вакуум духа.
Аплодисменты как оплеуха.
Вакуум духа.
Вакуум мира военных советов.
Вакуум мыла в мужских туалетах,
вакуум духа в сфере одежды,
вакуум Веры, Любви и Надежды!
Вакуум Бога. Где ты, БГ?
Бородку сосулькой зажал в кулаке.
Скажет мой друг: «Окунёмся, Андрюха,
в вакуум духа».

Квакаем глухо,
лажаем правительство.
Замораживается строительство.
Нету самой высокой башни.
Где наши башли?

Женщины лакомо жаждут парковки —
рыбки в вакуумной упаковке.

Кризис — как женщина.
После посмотришь,
кто опоздал — тот не успел.

Так почему же «Дженерал Моторс»
в годы кризиса преуспел?

Может, сбивши очки с главбуха,
общий Кризис, как динамит,
сострадающей силой духа
человечество объединит.

Сколько говна съели наши гумна!
Почему олигарха хвалит чум?
Свищет вакуум аввакумный.
Я — Аввакум.

Карьеркегор автострад. Натюрморт —
seven up.
Авен горд.
Авангард.

Саван на рыло накину с ходу.
Вакуум Духа — света канун.
Я — Савонарола
своему народу.
Я — Аввакум.

Группа крови
Бейсболка клёво
легла на бровь.
Мы — группа крови.
Бьют — в кровь.

Как много, Боже,
подобных групп!

Узнаете больше —
вы труп.

После первой крови —
как штрафники.
Нет правды кроме —
мы кровники.

Совковой лопатой
козырь бейсболочный.
«Держись! Не падай!» —
«Бейте, сволочи!»

Лицо с синяками
и всё, что прилипло,
прикрыто очками
от мотоцикла.

Отцы от поэзии
дрыхли и дохли.
Мы им бесполезные
дылды и рохли.

Люблю я, бесспорно,
духовный вакуум.
Но в кухне бесполой
мы много не вякаем.

Те, кто помоложе,
плюют на ругань,
мол, мы отморозки,
мы гитлерюгенд.

Прошли изменения,
в растительном — дух.
Мы — люди третьего измерения.
Родители жили в двух.

Процветание или кризис?
Фашист или антифашист?
Цветаева или Гилельс?
Я — антифетишист.

Над разными кровлями
синь как вымытая.
Мы одной группы крови —
мы, ты и я!

Пусть эти мысли безбожные
во мне перекипят.
Но кризис нельзя бейсболками
перекопать.

Безмолвие взбуждено.
Темнело возле реки.
Над толпой оранжево,
как пятна кураги,
стояли кулаки.

Небесной разборке
был нужен ГУЛАГ.
В перчатке бейсболки
таится кулак.

Уволенная

Меня несправедно уволили.
Ты, Господи, меня уволь,
уволь меня от канифольного
смычка в мозгу — такая боль!
Уволь меня от своеволия,
от незаполненного дня.
Придёт возмездие?
Тем более,
уволь меня.

Нет человека с кличкой «Кризис».
И некому устроить мордобой!
Верха за место перегрызлись.
Нас тыщи, брошенных Тобой.

Зачем купила я бахилы?
Сплю трое суток. Спать опять?
Дай пожевать! Мне хватит силы
одной Россию перебрать.

Пойду на дело. Омертвело
я с наглым увальнем стою —
продам уволенное тело,
но душу я не продаю!

Она, душа, не продаётся.
Она ещё не прощена.
Не видно звёзд со дна колодца.
С ведром утоплена вина.

Сколько достали этих вёдер!
Вина меняет имена —
здесь нужен Достоевский Фёдор.
Ты только не уволь меня.

Сон

Мне снилась пьеса второразрядная.
Я, репортёр и эрудит,
сажу в партере, и рядом
чужая женщина сидит.

Не близкая ни взглядами, ни знаком,
но, вдруг сквозь дырочки в парче,
я ощущаю страшный вакуум
в её, да и в моём плече.

Мы с ней не бумагомаратели,
моё, да и её плечо,
сменило прежний термин «вакуум»
на «тяжело» и «горячо».

Обличитель

Официальные патриархи,
на шубах — никоновский ракун,
вас, нажравшие по три хари,
инспектирует Аввакум!

Может, это гордыня потрясная
увела меня от икон?
У поганца — погоны под рясой,
у меня под рясой — огонь.

Комментарий Ваньки Струны
Я Ванька Струна
на все времена.
Холуйствовать и предавать —
то он говорит опять?
как ненавижу его, вешуна,
продавшего косяк;
Прервёмся
ан взмём
рекламную пазу.

Многих эта речь оттолкнула,
но в ней отблеск того огня,
что сожжёт самого Аввакума
и Христа его, и меня.

Ради общественных интересов
я смирюсь даже

с Ванькой Струной*

Из вас я изгоняю бесов,
бесовщина правит страной.

В яму меня сажали тираны.
Будущий царь наш —

Петрушка, пшют!

Вслед за мной мои ветераны
яму вырытую везут.

---

* Ванька Струна — бывший дьяк, с виду он такой же, как раньше, один из мучителей Аввакума. За 400 лет общения с Аввакумом он изменился — завербованный несколькими разведками, циничный, молодой, он стал кем-то вроде охранника и холуя, продолжает ненавидеть хозяина и моментально комментирует текст поэмы непристойными словами. Например, узнав о том, что в США новый президент, он начал дразниться: «Обама — оба-на, оба-на». Или: «Адью! Пойду попиздю о Косте Цзю».

«...и в старости — не
возвращайся к тому, что
тебя погубило»
— это слова
из Библии

Как могильно сквозит от ямы
холодок на моём горбу!
Извините, бабы и дамы,
вас я сегодня не выгребу!

Где любовь моя допотопная?
Аввакумовский hopey-мооп.
Протопопица голой попой
заслонила сиянье лун.

...Испытываю облегчение,
когда произношу обличение,
облекшийся в любую форму.
Потом прихожу в норму.

Тобольские пороги

В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы — перье красное, вороны чёрные, а галки серые; в тех же горах орлы, и соколы, и кречеты, и курята индейские, и бабы, и лебеди, и иные дикие — птицы разные. На тех же горах гуляют звери многие дикие: козы, и олени, и изюбри, и лоси, и кабаны, волчки, бараны дикие — воочью нашу, а взять нельзя! На тех же горах выбивал меня Пашков со зверями, змеями и со птицами витать.

вороны чёрные
великие змеи
турманы, кречеты
утицы красные
стаи голубей

гуси чопорные
религия Смерти
тюрьмы клетчатые
плети прекрасные
бей!

сонные рыбы
как складен сыч

бей в рыло!
блядин сын

зайцы гуттаперчевые
белки без батничка
дети Пашкова
баба
изюбри, щеками плеща
соловьи
почта голубей
один кабан
другой кабан
оба кабана
олень в серебре
бьёшь сам себя

теперво
батюшко
об клеть башкою
неслабо
леща ему, леща!
чтоб боялись свои
по почкам бей!
бил в барабан
бил барабан
обана!
под ним тропа клубится
самоубийца

порода нелюдей

природа чище людей

АВ

Я Ванька Струна —
Баняка с бабами и жуками;
Ему девочек смяну,
онягати девятнадцать.

Я вернусь, сменю амуницию.
Коммуникой пахнет овраг.
Ждёт, расстрелянный гуманистами,
игумен, мой главный враг.

Всё вернётся. Правда, нескоро.
Бог. Шайтаны. Горит Кавказ!
И подземный толчок Раскола,
что сегодня шатает нас.

Всё неестественное естественно.
Почему сквозь шурум-бурум
именно мне из текстов
является Аввакум?!

Нет поэзии эстрадной,
нет поэзии инаковой.
Вместо страстных Геростратов
стадионистают Мадонны.

Эксгумированный игумен
нас преследует, как маньяк.
Стадионные Аввакумы,
как вы лаяли коммунак!

Скромность — главное в тебе.
Хоть транслируй по ТВ.

У нас общая хворь — падучая
и пробоины в голове.
Мои Аве очень созвучные:
инициалам вашим АВ.

Мы обрили голову, скверная,
бесообразная шантрапа,
кожа, волосы — временное
наше общее — черепа.

По рукам! Как меняют шину,
я натягиваю с трудом
на себя его образину —
Аввакума с крикливым ртом.

Все поэты носили маски.
Любил Родину Пастернак,
по свидетельству Сьюзен Масси —
не юродивый, не дурак.
Пастернак — бедноты патриарх.

...ан ииавываедепер	Подведу к столу одноруко.
...акшиидж тиньли иианон	В доме саммитовский самум.
'анлудуСтрана,	«Почему же такая мука
как главланаошк	в вашем имени, Аввакум?»
фамлимиф	Помню, вы ответили марочно:
есть тайное экрипнаество	на вопрос: «Доколе терпеть?» —
иэнд хяннэвтэчэнекажен	«До самой смерти, Марковна!»
Средь пчявствн и стуканество	А после смерти? теперь?
народная струя.	Вы явились, меня не зная,
жвет во тэви	будет в прессе шум...
кликухоня Струя.	Был ли визит ваш тайным знаком? —
в с детства обладаю	Усмехается Аввакум.

Эта кривенькая усмешка,
 складка дымчатого стекла,
 может, каплей была последней
 для хозяина, не сумевшего
 удержать его у стола.

Языки

По сем Лазаря священника взяли, и язык весь вырезали из горла. На третий день у него во рте рукою моею щупал и гладкое место было. Едва исполнится два годы, иное чудо. В три дня у него язык вырос совершенной, лишь маленько ступенек и паки говорит, беспрестанно хваля Господа Соловецкого пустытника, инокосхимника Епифания, старца.

Где-то в Самаре или Рязани
 готовятся резаки,

«мвжвгс,мвжвгс»:лигэво
нвгэсоп эи лумэ от-оту
«мжвжв,иивдв»:лганик
«мжвжв-мвжв» отсэо но
:лжвжвстдвдв в
Мвжвжв по парковья алгвжв

дожидаются обрезания
саморастущие языки.
Язык нужен для выпивания,
или когда — взасос.
У пустытника Епифания
он, отрезанный, вновь отрос.

оюц итсэо у иэтсэо ои
одвжв по двжв, оюц

Авантажничая и грассируя,
не обрезанная пока,
полуязыческая Россия
начинается с языка.

В мире всё довольно сносно.
Член ЦК или з/к,
мы уходим в язык, и снова
выходим из языка.

Эпилог

Бог простит их в сей век и в будущий.
Наша жизнь — не рахат-лукум.
Подаянья просить у булочной
не советует Аввакум.

«Авва» по-русски значит «отче».
Пусть кто-то (отнюдь не лагерный «кум»),
послав кумушек на три точки,
прочтёт имя как «Авва-ум».

Аве, великая авеню Кунцева,
где, колёса кверху подняв,

развлекается поставвакумский
аве-умственный молодняк.
Аве, акула капитализма!

Я сегодня где-то прочёл,
что первым русским авангардистом
меня назвал Лихачёв.

Автостарт.
Аве, Куб!
Авангард был неглуп.

Аве, ложь всемирного ГУМа!
Аве, хищная красота,
что сожрёт самого Аввакума,
и меня, и его Христа!

**Сообщение тугодумам
об особенностях русского национального характера:
60% Аввакума + 25% Караченцова.**

К 12-ти подходит кризис.
И с неба, сморщась, как балун,
чтоб нации не перегрызлись,
должен явиться Аввакум.

;ен-ег0 ;ен-ег0

Нью-Йорк подобен великану,
что в мире ноги обмакнул,
я думаю, что Барака Обаму
приветствовал бы Аввакум.

Он взвился чёрною ракетой
над Белым домом неспроста.
Мы уважаем Магомета
за то, что тот назвал Христа.

Мой домик стал эвакупунктом
на радость или на беду?
Предупрежденный Аввакумом,
жду.

**Прощальная песнь Аввакума,
сожжённого на костре**

Гори, гори, моя нога,
часть моего свечения.
Ты не мираж столоверчения.
Тебя сожгут наверняка.

Я — твоя бывшая душа —
гляжу (ещё не отлетела),
как, корчась, исчезает тело,
мне раньше рукавом служа.

Меня сжигают, точно ВИЧ,
работают единоверцы.
Сейчас огонь достанет сердце.
Прости-прощай, Андреевич!

Когда-нибудь в метельный год
деревья белым запакуем.
Совокупленье с Аввакумом
нашей страны произойдёт!

СВЕЖЕСТЬ ЧУВСТВ

Андрей Вознесенский. Конец 1950-х

Кадр из фильма «Застава Ильича». Поэтический вечер в Политехническом. Съемка 1963 года

«Шестидесятник»

С женой Зоей Богуславской. Москва, 1960-е

Дома, на Котельнической. 1960-е

В Переделкине

«Тишины хочу, тишины...»

В Лондоне, 1966 г.

С Робертом Кеннеди. США, 1967 г.

С Жаклин Кеннеди. США, 1967 г.

Над крышами Парижа, 1968 г.

В Театре на Таганке. Спектакль «Берегите ваши лица».
Юрий Любимов, Зоя Богуславская, Андрей Вознесенский.
1970 г.

Мая Плисецкая и Родион Щедрин в гостях на Котельнической после исполнения «Поэтории» на стихи Андрея Вознесенского. Москва, 1968 г.

С Аркадием Райкиным. 1970 г.

To Andrei Voskovsky -
With great affection and respect
Paul Kennedy '85

С Эдвардом Кеннеди. Москва, 1985 г.

Нэнси Рейган и Ребекка Мэтлок в гостях у Андрея Вознесенского в Переделкине. 1988 г.

Двое. Начало 1980-х

Создание видеомы «Я воскресаю». 2005 г.

На юбилее Андрея Вознесенского. Инна Чурикова, юбиляр,
Зоя Богуславская, Максим Галкин, Марк Захаров.
Москва, театр «Мастерская П. Фоменко», май 2008 г.

Андрей Вознесенский,
2000-е

На рубеже веков

Ты, изменяющая меня свежесть,
свежесть чувств, говорю, свежесть чувств.

Где-то на пригородном вокзале
я, очутившись, не отщучусь.
«Вы, гражданин, что-нибудь потеряли?» —
«Свежесть чувств, — говорю, — свежесть
чувств».

2009

***

Во мне живёт непостижимый свет.
Кишки проверил — батареек нет.
Зверёк безумья вьелся в мой скелет.

Поэт внутри безумен, не извне...
Во сне
я вижу храмовый проект
в Захарове. Оторопел
автопортретный парапет...
Спасибо Алексу Сосне за помощь.
Дай осуществить проект,
чтоб искупить вину греховных лет!..

Я выбегаю на проспект.
На свет
летят ночные бабочки: «Привет!»
Мне мент
орёт: «Переключайте свет!»

Народ
духовный делает минет.
Скинхед
пугает сходством с ламою-далай.
Мне, Господи, ещё лет десять дай
транслировать Тебя сквозь наш раздрай!

Поэту Кисти ты ответил «нет».
Другой был, как Любимов, юн и сед,
дружил с Блаватской, гений, разгильдяй.
Поэт внутри безумен, не вовне —
в занудно-шизанутой стороне,
где даже хлеб мы называем «бред».
Дух падших листьев — как «Martini Dry».

Уехать бы с тобою на Валдай!
Там, где Башмет играет на сосне.
У красных листьев
запах каберне.

Люблю Арбат, набитый, как трамвай,
проспекта посиневшее яйцо.
Люблю, когда Ты дышишь горячо.
Мне, Господи, ещё лет десять дай!

Какой ты будешь через десять лет,
Россия, с отключённым светом край?
Кто победит — Господь или кастет?
Мне, Господи, ещё лет десять дай!

Вдруг пригодится мой
никчёмный свет,

В этой просеке паривший
стал ангелом не Элвис Пресли,
а Брэдбери, как папа римский,
катящий в инвалидном кресле.
2007

РУССКИЕ ЕВРОПЕЙЦЫ

Русская немощь
мчится к коллапсу.
Русская немочка
катит коляску.

Лузгаем семечки.
Как ты устала,
русская немочка
из Казахстана.

Вся эта хевря
оплачена в евро —
эти убожества сентиментальные —
прачки, уборщики,
подметальщицы.

Марик из Марфино,
Принц из Стамбула,
русская мафия
немцев обула.
Ваши луддиты — все голубые.
Наши бандиты женщин любили.

Как на Владимирском
лесоповале
водкой блондиночку запивали!..
На фотографии лик её страшен,
русская мафия, мафия рашн.

Послала всех на фиг
из тёплых кальсон
русская мафия
с человеческим лицом.

Узкие валютные воткните
запонки,
русской революции
берегитесь, западники.

Научные товарищи, налить
по рюмке!
Научим разговаривать
всех по-русски.

Десятиклассницы
на Пикадилли...
«Класс! Мы в школе
вас проходили».

Годы проходят, лучшие годы,
лучшие кодлы нашей свободы.

Ах, наша юность! Ах, Голден Палас!
Что-то аукнулось, что-то осталось.
Ах, Голден Парус, ах, Голден Палас!
Как нетопырь оттопыренный палец.

Золото Голден, молодо Голден,
кто не угоден, значит, не Голден.
Годен не Голден, годен? —
не Голден.

Мы в Новый год
просыпаемся в полдень.

Пусть продолжается
праздник Господень.
Сильных — на подиум!
Ты ж не бездарный певец
подворотен,
ты — всенароденен,
как греческий ордер.
Хватит.

Лежи, неприлично свободен,
как к голой попе
привинченный орден.

2007

САМЫЕ

Мы были самыми крайними
и в молодости, и в старости.
Светились разными гранями.
Это осталось в статусе.

Цигарки самосадные...
Мечтавши о «Тойоте»,

мы были самые-самые —
и это в нас остаётся.

Мы божьи эксперименты.
Сам Бог — занят.
У него саммит.
Пусть наши бабы-легенды
расскажут про нашу самость.
2008

***

Красит, извините, мрак,
давши стольких суперстаров,
сам звезда в зените — Марк
Анатольевич Захаров.

Друг — нужней, чем контрамарка,
жизнь — зависит от кармана,
но в Евангелии от Марка —
его карма, карма, карма.
2008

ЧАЙКЕ

Три телеграммы в город Николаев

1

Любо, братцы, любо!
Люди главного хотят —
с Чайкой выпить бы
чайку бы,
отмечая 60!

2

Мир устал от «черезвычайек»!
Стало мало честных чаек.
Без утайки сдвинем чарки
за успех полёта Чайки!

3

В Николаеве есть святые,
оснащенные Божьей чакрой.
Николаевскую Россию
пойму снова через Чайку!
2008

ЛЮБЛЮ ПОДАРКИ

Я брожу в твоей рубашке,
из меня растут цветы.
Отовсюду улыбаешься
недосказанная Ты.
2007

ЛУННАЯ ДОРОЖКА

Мы пьяные после дождя.
Уложена лунной плитой,
бежит вдоль забора дорожка,
проложенная Тобой.

Роса, как китайские ложки,
цветы нагибает, светясь.
Останутся ножки да рожки
от тех, кто гуляет сейчас.

Неведомый автор дорожки,
ты думала ли о нас?

Уж выскользнет осторожно,
как зеркальце для бритвы,
бежит вдоль забора дорожка
бытия и небытия.
2007

УЧЕНИКИ

Умер Вегин. Теперь — Ткаченко.
Эх, тачанка моя ростовчанка!
Кукурузина без початка.
Смертью брошена мне перчатка.
Жизнь — роскошная опечатка.
2008

***

Нынче комплекс Эдипа
других пострашней.
Мы живём посреди
параллельных людей.
Параллельные судьи
сидят в париках,
параллельные судьбы
сминают в руках.
Параллельный Вертинскому
идиот
в непроветренном диске
чего-то поёт.
Параллельные банды
жгут машины, дымясь.
Параллельные бабы
ложатся под нас.
Скажу про парашют,
неизвестный досель,

явился к нам шуточный
параселинг.
Как привязанный
крепкой нитью
кусок мяса вытаскивают
хитроумные пацаны
из пасти собаки,
проглотившей его, —
так тащит парашют привязанного
пленника.
Надоел затасканный партикуляр.
Жизнь поэта — это
перпендикуляр.

2008

САША — США

Прозаическая поэма

США Ткаченко, Шуринда, Сашка —
в море брошенный вверх тормашками,
ты хватаешь звезду, что плавала,
и рычишь, как собака Павлова...

Ну зачем ты ночами снишься?
Надоела новая ниша?
Что мастыришь руками прогнившими?
И зачем тебе греческий профиль?
Как невинна слеза чеченки?
Над Москвою плывёшь зачем-то?

Зачем свою жизнь ты прожил?
Зачем мы живём, Ткаченко?

I

Это было беспрецедентно —
он явился ко мне студентом.
Караим. Футболист. Защитник.
Симферопольских смут зачинщик.
«Мне плевать на ваши исканья!
Я же не монумент из камня!»
Но стихи его излучали
караимскую карму печали.

Скоро стал он моим дружбаном.
Прилипал ко мне листом банным.
Сколько девок кадрили мы в Ялте!
В век безденежья жили ярко.
Сколько утречком мы протопали
к твоей матери в Симферополе!
Мы искали дорогу к храму.
Все дороги ведут непрямо.
Нету храма. Одни химеры.
Караимская карма веры.

Коренастый, почти квадратный,
ненавидел подплечики ватные.
Когда в галстук — был мужланист,
но в халате хорош, поганец!
Гений секса, он постепенно
стал генсеком русского ПЕНА,
эпицентром культурной пены,
вместе с Битовым, президентом,

отсудил нам апартаменты —
нынче это непредставимо.

II

Есть в маразме своя харизма.
Веры разные — разные ризы.
Не заимствовать — вы обещали! —
караимскую карму печали.
Жизнь без кармы — банк без бухгалтера,
салат без перца или без краба.
Зубоскальная, без ласкания,
жизнь — Кармен иль Грета Гарбо.

Что такое смысл караизма?
Он двоякий, как коромысло.
Караим — это крик «Горим!»
с утверждением: «Караим!».
Корни Крыма кричат из тьмы:
«Караимы мы, караимы мы!»
Караимы жили богато,
как буржуй на красном плакате.
Пробавлялись все кораблями.
Население прибавлялось.
И, достигши своих высот,
опустилось до 800.

...Я видал их во рву в Симферополе,
там, где немцы евреев гробили.
Попадались и караимы.
Сашка, бледный, стоял над ними.
Русский парень жалел о целости,
сняв с костей золотые челюсти.

И величественная, немислимая,
словно связка «любовь — морковь»,
украинская и караимская
в США Ткаченко взметнулась кровью!
Облака проплывали мимо —
караимы мы, караимы.

Я ему был дружбаном и «богом»,
разговаривали с ним о многом —
он сидел до конца в ПЕН-центре,
чай заваривался погуще,
двумя пальцами мял он цедру,
как пинцетом берут лягушку.
Говорили о воле и чести,
как в купе провезти винчестер,
и о бунинских «Снах Чанга»,
и как трахнул он англичанку
в баре, говоря без акцента,
о гостях на конгресс в Виченце,
и как прятал больного чеченца,
о караимах, о карме...
Слов нет — верхний слой.
Будто кто-то элементарно
здесь подслушивал нас с тобой.

У Ткаченки был крут характер:
сам восставший и сам каратель.
Предавал, страдал и закладывал —
только всё это ради адовых
сумасшедших своих идей:
из плейбоя глядел плебей.
Это знали мы и прощали
за караимскую карму печали.

Погрустневший и погрузневший,
он, дожёвывая землянику,
мне сказал: «Я три дня не евши —
караймам закончил книгу.
Эта рукопись математична,
я хочу, чтобы знал народ,
как бывает — из тыщи тысяч
получается восемьсот.
В непечатый край мы попали...
И в кармане нет ни рубля...
Непечатная карма печали
охватывает меня.
Вот вам рукопись. Всё шикарно,
если звукопись помнит карма».

Облака проплывали мимо —
караимы мы, караимы.
Из Пармы на Минусинск?
Формула кармы: $800 - x$

III

Нашли его в запертой даче —
остывшее тело нашли,
принюхиваясь по-собачьи,
в ветхозаветной пыли.
Сашка лежал у стула,
с оттопыренной губой —
наверно, душа рванула,
забыв рот закрыть за собой.

Давай помолчим. Давай посидим.
Формула караимства осталась: $800 - 1$

Ну куда же ты, Сашка?
Задержись!
Кто разбил недопитую чашку,
называемую — наша жизнь?
Может, так вот снимает стружку
родительская любовь?
Нельзя с украинской юшкой
мешать караимскую кровь.
А может быть, это быдло,
кому ты ответил: «Ша!»?
Может, душа забыла,
как я обозвал тебя «США»?..

Наверное, сдали нервы.
Возраст. Но возраста — нет.
Поэт — это только первый.
Не первый же — не поэт.
Все женщины-недотроги
готовы тебя убить,
протягивая через дороги
машине стальную нить.
А может быть, парикмахер
вчера тебя обкарнал?
Решил ты: «Ну вас всех на хер!
Имел я ваш карнавал!»

А мы и не ожидали,
что ты сорвал тормоза...
Караимская муза печали,
стыдясь, отвела глаза.

Живём летально,
живём расхристанные —

сверкая кармой,
летает Истина.
Летает, голая,
над нашими креслами,
задевая головы
своими чреслами.
Скорость — крейсерская.
Летят мысли —
свободные,
крейцеровские,
караимские!

Эпилог

Поздравляю гостей ПЕН-центра
с чистым экспериментом:
на вас смотрит портрет со стенки
кисти нашего Кватроченто.
Непонятно, но не бездарно.
Это — первый генсек ПЕН-центра
Александр Петрович Ткаченко.
Но без кармы.

2009

СИЗИРК

Ира иррациональна, Ирка ирреальная,
вот она потеха, вот он цирк!
Организовали фирму интернациональную
с сумрачной кликухой «СИЗИРК».

Фирма расширяется, акции расходятся,
только не до красных и чёрных икр —
девочки ширяются, стонет безработица,
обо всех заботится фирма «СИЗИРК».

А в домах красуются телексы-скелеты.
Нынче всё читают наоборот.
Весь народ на улице, как на пляже летом,
но «СИЗИРК» считает, что он — народ.

Кинул Дерипаска миллиарды баксов,
но в ответ послышался лвиный рык...
Если бы мы дома знали палиндромы,
вмиг расшифровали бы тебя, «СИЗИРК»!
2008

ДВА ЭКСПРОМТА АЛЕКСЕЮ РЫБНИКОВУ ПО СЛУЧАЮ ПОЛУЧЕНИЯ ИМ ПРЕМИИ «ТРИУМФ»

1

Штабс-капитан Рыбников —
японский агент влияния.
Композитор Алексей Рыбников —
Божий агент вливания.
Православный духовной культуры
в век Беслана и конъюнктуры.

Вводит Моцарта и Штокгаузена
в маломощные наши пакгаузы.

Вводит музыку литургии
в сердца русские и другие.

Да здравствует волевая
сила рыбниковского вливания!

2

Лес — заложник грибников.
Но Алёша Рыбников
собирает грибы-целебники.
Этим Рыбников похож на Хлебникова.
2008

ТРИУМФАТОРКА

Россия завершала передел.
«Триумфом» не охваченные авторы
обиделись. Зал ЦДЛ гудел:
«У-у-у, “триумфаторы”!»

И женщина (как Бонапарт, треух
не снявший после краха трафальгарского)
смирила зал. И я добавил вслух:
«Ты — триумфаторка!»

Ты триумфально собрала
круг, согревавший руки, точно муфта.
Организаторша тепла,
мы люди твоего «Триумфа».

Анализируя, мы связь разрубим
меж вечно женственным
и высочайшим честолюбием
самопожертвования.

«Триумф» — мужчина, не дитя.
Вне окрика и всяких сплетен
он может сам спасти себя,
Ромео семнадцатилетний.

Когда же подошёл наш край,
сказала ты без слёз со стонами:
«Гуляй,
поэт, на все четыре стороны!»

Вновь запретят иль в кухню возвратят?
Тебе чужда идея фартука.
Скажу, как и 17 лет назад:
Ты — триумфаторка!

Мне фатерланд — свобода для пера.
Я расстегну свой воротник — для топора.
Жизнь хороша без фальши и без патоки.
Прости меня. Но время — страшный фактор.
И никогда я не был триумфатор
для триумфаторки!
2009

Далеко? Ого-го!

На служебном арго:
ты с наркотиками повязана.

Если нету Клико,

коньячку полкило —
за успех всенародный и кассовый!

Не легко? Не легко.

Что на сердце легло,
никому никогда не рассказывай.

2008

***

Свист шоссе — как лассо
над моей головой.
Тбилисо, Тбилисо,
огневой, пулевой!

Мчались горы в огнях,
как лотки с курагой.
Ты мне губы впотьмах
оцарапал серьгой.

Как срываются вниз
водопады, звеня.
Ты девчонкой повис
на груди у меня.

Но стучит далеко
к колесу колесо:
Медико, Медико...
Тбилисо, Тбилисо...
2008

О ПАЛИНДРОМЕ

Что делать с палиндромом?
Пока неясно.
На наши полудрёмы
народ смеялся.

Кто и зачем их в душу
народа вытряхнул?
И где на шубу Бушу
найдётся выхухоль?

С ними, будь неладен,
Усама Бен Ладен.
2008

DERP JUMPING

Теряя запонки,
летим по крышам.
Мы — прыгуны, derp jumping,
мы, прыгая, всё слышим.

В зелёных, синих, карих
сохраняйте something.
Наш Новый год — очкарик
с поправкой на derp jumping.

Потомки Мика Джаггера,
таинственней, чем РУОП,
мы веруем в derp jumping
по имени «любовь».

С улыбочкою горькою
мы представляем visual:
колёсные восьмёрки,
в которых чудом выжили.

Но грустный Чарли Чаплин
новой весной
вас пригласит в derp jumping
2008-й.

2007

ЧЁРНОЕ МОРЕ

Как Маяковский страдал болезненно,
что фининспектора недорезали.
Моя поэзия — дельфин-инспектор
и спектр радужный над волнорезами.

2010

О КАЗАЛОСЬ

Казалось:

«Ружья в козлы!»
«Афган!»
«Тарантино».

«Тарантинэйджер».

«Посол».
«Чайку бы и травки
на дорогу...»
«Порноистец
против ТЭЦ».
2006

Оказалось:

«В ружьё, козлы-ы!»
«Off gun».
«Скарлатина
для взрослых».
«Трахнул тёлку
через пейджер!»
«Пил рассол».
«Чайка — плавки
Бога».
«Полный пиздец!»

СИГАЛКИ

По-английски море — си.
Гал — по-русски «чайка».
Это всё перевести
трудно чрезвычайно.
Над морем мчатся две сигалки,
как будто белые сигарки.
2008

В ТУ ЛУЗУ

Рейс Лондон — Тулуза.

To what?

Вот ввод:

— Мадам, вы никогда не были в Тулузе?

— Скузи, в Тулузе одних полицейских полтысячи.

Без «узи». Тулуза — как Тула для бывшего Советского Союза.

«Ту луз» по-английски значит «терять».

Собор. Бары. Театр.

— Мадам, вы одна, без мужа?

— Почему же? Мой муж в своем банке в Луизиане.

— Вы, значит, россиянка? И Тузик ваш в клетке.

Багажный отсек. Фром Раша уиз лав.

— Приукрашена? Нет прав? — И сразу лезет под юбку.

О нравы! — Вы правы.

— Значит, вы — русская.

Солнце тусклое. Улицы узкие.

Сидела бы дома, семечки лузгая.

Тулуза — лужа, провинциальное городишко.

В ту лузу, откуда мы все, народившиеся.

Тулуз Лотрек — оригинальный человек,
маэстро из калек.

Под нами Амстердам.

Ножки, ножки раздвигайте, мадам!

С детства помню, без иллюзий:
что ни делай, как ты ни танцуй,

как бильярдный шар к зелёной лузе,
ты летишь к провалу и концу!

Это всё преамбула.

Вот эпилог:

самолёт разламывается, как пирог.
Из рубки вываливается
пилот.
В этом самолёте я одна — русская.
Сидела бы дома, подсолнухи лузгая.
Без мужа, без Тузика, без перегруза —
в стужу, в ночь.
В ту лузу.

2008

ДЕВОЧКЕ КАТЕ

«Спрячь деньги, дурак.
Я — Катя. Я — так».

Глаза — пятак.
Нельзя «за так».

Летит летак
по февралю.
Я, Катя, так
тебя люблю!

2008

***

Спас Космический, Спас Медовый,
крестом вышитые рушники,
католический крестик Мадонны,
растегнувшись, смущал Лужники.
«Грудь под поцелуи, как под рукомойник»
(Пастернак).
Как песенка в банкомате:
«Мадонной стала блондиночка с Лукоморья».
Кем станет московская Богоматерь?..
2007

ШОССЕ ЛЕТОМ

Белые кляксы чёрных ворон —
цвет нехороший
птичьих желудков. Шоссе — и на нём
юбка в горошек.

Смолоду ралли любили мы все.
Кубки. «Покупки».
Сейчас — ни шиша! А на нашем шоссе
сушатся юбки.
2009

СТИХОЗАВЯЗЬ

Можно ль выжить, звучание
вынув,
звук, как гибель, испелим.
Например, война гибеллинов...
Гибеллин, Гобелен, Цеппелин.

«Войди, Призрак!»
Антреприза анапеста.
2007

***

Мой кулак снёс мне полчелюсти.
И мигает над губой
глаз на нитке. Зато в целости!
Вечный бой с самим собой.

Я мечтал владеть пекарней,
где жаровни с выпечкой,
чтоб цедить слова шикарно
над губою выпяченной.

Чтобы делать беззаконий
обезьяны не могли,
мчитесь, сахарные кони,
в марципановой пыли!
2007

ГЕЙ, СЛАВЯНЕ!

Фастум-гель...
Фауст — гей?
С Богом флиртовал
не гей, а Гейне.
Гейне, Гейне, Гейне.
Гейне...
2009

***

Убрать болтливого вождя
нельзя, не ждя.
Построить храмы без гвоздя
нельзя, не ждя.

Когда луна, околдовав,
дрожит, скользя,
вам снова хочется — стремглав! —
не ждя — нельзя!..

Как «помощь скорая» летим,
смешав сирены и интим.
Плевали на очередь.
Нам ждать нельзя.
2008

ПРОИСШЕСТВИЕ,

которое случилось 10 декабря 2007 года
в вашингтонском соборе Святителя Николая

...А было это в Вашингтоне:
посольских выносили в коме...

Я из Москвы тебе кивну —
кивнукивнукивнукивнук —
и вникну: верно, этот внук
отчаянный башибузук.

Крещение, рей!
Забудь про рейтинги!
За ручку крестника веди.
Оскаруйльдовские Рэдинги
остались сильно позади.

Я наполняюсь светлой силой:
тайком и как бы невзначай
так бабушка меня крестила,
позвав священника на чай.

Купель плыла, как Наутилус, —
мы в фильме всё оговорим, —
яички под водой светились,
ну что тебе аквамарин!

Из вашингтонских полотенец —
окон посыпалась слюда! —
нерасшифрованный младенец,
вдруг закричал по-русски: «Да!»

Всё было в этом «да» — вода,
совокуплялись города,
и Вифлеемская звезда
сгорала, как в ночи скирда.
Да — представители дада,
да — Хлебников, Земфира — да,
в бутылочках из-под кефира
цвела лесная яго-да...
По-русски «да» звучит как «дай».
Явись, святитель Николай.

И в рясе, верно иерей,
небритый, точно лук-порей,
пропел октавою своей:
«Франческо, во Христе Андрей».
Он гей иль просто шизофрей?

А кто-то в книжечке своей
писал: «Франческо + Андрей».

Купив в Манчестере ландрины, —
мне, честно, Франция милей, —
летим, душой неразделимы,
Франческо + Андрей.

Пройдут года. И в их благообразье,
однажды средь подвыпивших друзей,
утешишься формулировкой связи:
«Франческо + Андрей».

И, отвечая на чужие тосты,
задумчив, как шарпей,
ты упомянешь горестного тёзку
по имени Андрей.

2009

ТАЙНА

Села бабочка на тай,
может быть, случайно?
НА ТАЙ, НАТАЙНАТАЙНАТАЙ.
Получилось — ТАЙНА.

2008

НОВОГОДНЕЕ

Кто встречает Новый год
боле всех людей на свете?
Он ИДЕТ, ИДЕТИДЕТ —
получилось: ДЕТИ!

2008

ПАРАДИГМА

Кончай меня. В машине гоночной
летим под бешеной луной.
Я враг твой. Ты меня прикончи.
Кончай со мной.

Кончай с моею прошлой жизнью —
окончим вместе путь земной.
Я прошлым на тебе не висну.
Кончай со мной.

Я — как араб у водополя
или дикарь из Малибу.
Нам хорошо. Побудь со мною —
я так давно тебя люблю.

Жизнь нас качает, как «Титаник».
Люблю тебя. I love you.
Ты говоришь мне: «I am coming» —
по-русски значит: я люблю.

Твои божественные корчи
повторятся ночной землёй.
Как говорил Резанов Конче —
мы будем счастливы с тобой.
2008

СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА

Он гнал полки на смерть.
Завидя его «виллис»,
тысячи душ, отторгнутых от тел,
за ним носились, выли и дивились:
«На Божий суд он полетел!»

— Под нами Кремль. Вон башня-ферзь — взглядитесь!
Япона мать!..

Тогда он заорал:

— Не понял я, где едем мы, водитель?!
— На небе мы, товарищ генерал!

Как в кружева обрамлена манишка
и по краям прострочена она,
так в небе отпечатан след машины —
кремлёвская зубчатая стена.

2009

ЯМБЫ

Как крутит яблоневый ветер
лакеев с накладными блямбами,
так он по-русски всем ответил —
бл. ямбами.

2009

***

— Ты губы свои называла: «Твой поридж».
Ты помнишь?

Послушай, послушай,
ты помнишь? Ты помнишь?
Сорвавшись с катушек,
мы в царскую полночь,
в мохнатом халате погибшие по уши,
лакали какао.

Смешны телепорница!

Базарных баб помнишь?
Навеки запомни
шарпея лобастого, точно пони.

Нам счастье даётся,
как чайное — с ложечки.
И будет случайностью,
если сложится.

Двенадцать лет счастья
из жизни не вынем.
Я, как причастием,
дарил тебя именем.

— И я с твоим именем стала другою —
вот именно: праздничной и туюю.

— С колёс меня кормишь японскою рукколой.
Меня, безголосого, однорукого.

Те годы обоим — как не бывало.
Срезаешь автограф с обоев подвала.
А время несётся, как «скорая помощь»...

— Ты помнишь, Андрюша?
Андрюша, ты помнишь?
2008

ДРОЗДЫ

Жанна, дурочка дюссельдорфская,
ты рифмуешься с певчими Drossелями,
в тебе бешеный Дюссельдорф
полыхает от катастроф.

Наблюдается кризис жанра...
Точно утрешняя звезда,
золотое желанье Жанны
отпечталось навсегда.
2009

НАНА

Выплачу налоги я
за КАСКО, за меня,
за нанотехнологию
сегодняшнего дня,

за мозг мой обмоложенный
+ 1000 рублей —
на нанотехналожницу
сегодняшних ночей.
2009

ДОМ С РУЧКОЙ

Как живётся вам, мышка-норушка?
Стал с наружной лестницей дом
походить на тесовую кружку,
перевёрнутую вверх дном.

С этой лестницы многое видно.
Она — красочный репортаж,
где вдыхаемый индивидуум
поднимается на этаж.

Прерывающимся дыханием
дышит дом... дышит дом... дышит дом...
В нём мы трудимся, отдыхаем
и, бывает, баклуши бьём.

Начинающая архитектор,
спроецировав дышащий дом,
наделила нечаянным спектром
интерьер его — и кругом.

Это просто невыносимо:
если нам перекроют шланг —

видеть лёгкие выносные.
Или воздух берёт акваланг?

Станем душами. Здесь мы жили.
Любили морепродукт.
Пусть весело ноги чужие
по нашим ступенькам пройдут!

Подслушка или наружка? —
Не поймут этот сложный маршрут.
Почему она светится, ручка?
И куда те ступени ведут?..
2008

ПАЦАНУС

Б а с н я

Пацанус над озером сидит,
как в воду, в зеркало глядит.
Из глуби вод на него тихо
глядит усталая, ещё не старая,
по-сталински усатая моржиха.
Увидев в зеркале усы,
сперва на зеркало — поссы.
2010

ДЕРЬМОДА

Нам клюква кажется развесистой,
когда живёшь в другой стране.
«Американская разведчица»,
поддав, рассказывала мне:

— Мой муж работал по приказу
(Хрущёв тогда в Нью-Йорке был).
Муж уловитель к унитазу
в хрущёвский номер привинтил.

Кто он? Обычный цэрэушник,
в очках-наручниках, нарушил
закон элементарных прав,
дерьмо хрущёвское украв.

Свершилось. Семь мотоциклистов
везут два кубика дерьма.
Исследуют специалисты —
им информация нужна.

Все его творческие силы
ушли, чтоб победить ГУЛАГ.
Попрятались в свои могилы
и Кеннеди, и Пастернак.
А он не спрятался, дурак!

Нужна была его отвага
и тренированный кулак,
чтоб вместо старого ГУЛАГа
не вылез новенький ГУЛАГ.

История всегда трагедия.
Вопросы престолонаследия —
пусть изгаляются массмедиа.
Как он, переходя на крик,
смешон, трагический старик!

Анализ говорит иное:
энергии перерасход,
и первый приступ паранойи,
и весь 63-й год.

И крики Ванды Василевской,
тугие, как финал Гуно.
Аксёнофобией вселенской
прёт хрущевидное дерьмо.

Заткни фонтан, интеллигенция,
помалкивай, но знай одно —
закон венгерской конвергенции:
дерьмо выталкивает дерьмо.

Оно заглатывало с хода
меня и всех моих друзей.
Народу не нужна свобода,
не знает он, что делать с ней.

Агностики представят справку,
а им не верят всё равно.
Диагностическою правдой
ценнее институтов Прадо
летит музейное дерьмо.

Сказал он: «Я тут помозгую», —
и этим над собой шуткую.
И золотое, как руно,
над ложью основоположников
летит всемирное дерьмо.

Чего ж пугаетесь вы сдуру?
Идут иные времена,
и новая номенклатура
вдруг обойдётся без дерьма?

Но мы общество построив,
забывши про костяшек хруст,
мы не нуждаемся в героях,
таких, как Ленин, Сталин, Хрущ.

История, она паршивка, —
не отпускает на утиль.
Башка Хрущёва как подшипник —
его мучительно крутить.

Над тюрьмами, над Вольфом Мессингом,
над термоядерными мо
пока ещё темным-темно,
над пробкою над краснопресненской,
смешав тойоты и рено,
где звёзды в поднебесии
играют в домино,
несётся мессианским прессингом
бессмертное дерьмо.

А в небесах пирамидальных,
белея, как забытый шов,
с усмешкой параноидальной
глядит обиженный Хрущёв.

Я с поученьями не лезу.
Господь, спаси нас, помоги.
А может, он подсунул дезу?
Пусть ошибаются враги!
2009—2010

ЁЛОЧНЫЕ ПАЛЬЧИКИ

Сегодняшнему ширпотребу
нельзя понять, зачем запальчиво
тысячи ёлок тычут в небо
указательными пальчиками?

Им видно то, что мы не видим.
Я не теолог.
Но в жизни никак не выйдем
на уровень понятия ёлок.

Кто право дал еловой нации
судить земные распоряжки?
Как лампочки иллюминации,
не требующие подзарядки.

Зачем им рукава имбирные?
зигзагами по касательной?
Всё это фирменные ширмы
для этих пальцев указательных.

Снег кружится балетной пачкой
над ёлками. Знаем с горечью,
что ёлки состоят из пальчиков,
и эти пальчики игольчаты.

Но сколько в мире старых пальчиков:
им хоть налево, хоть направо.
Но сколько аппаратных пайщиков,
указывающих на неправду!

Так, в счастье новоселья женщина,
въезжая в новую квартиру, грустит.
И что ей померещено
в игрушке с вырванным ватином?..

Какая радость, не наперсничая,
понять иллюзию игрушки:
на пальчик нацепить напёрсточек,
шары оранжевые в лузе!

Повсюду новое топорщится.
А может, старое исправится?
Стремглав летим из-под топорщица!
Взовьётся новая избранница.

Вечно-зелёные надежды
на измененья новогодние.
Кругом валяется одежда —
домишки, стёганки с вагонкою.

А ты? Ты в этом вихре мнимом?!
Иль рот пирожными запачкала?
И тёплый свет струится нимбом
от указательного пальчика.

2007

БОЛЬШОЕ ЗАВЕРЕЩАНИЕ

Поэма

I

Я, на шоссе Осташковском,
раб радиовещания,
вам жизнь мою оставшуюся
заверещаю.

В отличие от Вийона
с Большим его Завещанием,
я в грабежах не виновен,
не отягощён вещами.

Тем паче, мой пиджак от Версаче,
заверещаю.

На волю вышел Зверь послушания.
Запоминайте Заверещание:
не верьте в вероисповедание,
а верьте в первое своё свидание!

Бог дал нам радуги, водоёмы,
луга со щавелем.
Я возвращаю вам видеонами.
Заверещаю.

Я ведь не только вводил шершавого
и хряпал на шару!
В себе убил восстание Варшавское.
Заверещаю.

Почётному узнику
тюрьмы «Рундшау»
улётную музыку —
заверещаю.

Мы не из «Новости»,
чтобы клеймить Сороса.
Не комиссарю.

Свобода от совести
не в собственном соусе.
Заверещаю.

Не попку, облизанную
мещанами,
любовь к неближнему
заверещаю.

Зачерпни бадейкой
звезду из лужиц
и прелюбодействуй,
если любишь.

От Пушкина — версия Вересаева.

Есть ересь поколения
от Ельцина до Воцанова.
Я прекращаю прения.
Заверещаю.

II

Не стреляйте по птичьим gripпам,
по моим сегодняшним хрипам!

Над Россией Небесный Хиппи
летел, рассеянный, как Равель.
Его убили какие-то психи,
упал расстрелянный журавель.
Не попадёт уже в Куршавель.

«Курлы!»
Не был он рассадником заразы.
Наши члены УРЛЫ
это поняли сразу.

В нашей факанной ошибке, бля!
Остался вакуум журавля...
Его ноги раскладывались
подобно зонтикам.

Его разбросанные конструкции,
нам подпиравшие его экзотику.

(Мы рассматривали его конструкцию.
Под ним оказалась окружающая Земля.
Но нет прекрасного журавля.)

Журавль — не аист, но отчего-то
упала рождаемость, пошли разводы.

Андрей Дмитриевич сказал в итоге:
«Нас всех теперь пошлют строить
железные дороги».

Отто Юльевич промолчал.

И посмотрел в гриппозное небо:
глядели колодезные журавли.
Зураба башни в небе стоят.
Журавль в них вырастит журавлят.
Рюмашка — ножка от журавля.
Не разбей, Машенька, хрустала.

Ни Журден, ни Чазов, ни Рафаэль
не вернут тебя, долговязый журавель.

Мы — дичь.
О наследниках поэтич. и юридич.
скажу впоследствии.
В интересах следствия.

III

Страшно наследство: дача обветшала!
Свою вишутку заверещаю!

Мои вишутки — не завитушки,
а дрожь, влюблённая в руке!
Как будто рыжие веснушки
оставит солнце на реке.

Не политические вертушки.
Даже то, что Вы член ВТО,
вещдок останется как вишутка.
Жизнь как жемчужная шутка Ватто.

Как вишуткино пролетела
нержавейка воздушная —
метрополитен гениального
Душкина!

Гений, он говорил нам, фанатам:
«Не заклинивайтесь на верзухе!!!
Живите по пернатым, по вишуткам».

IV

Какое море без корабля?
Какое небо без журавля?

Заверещаю все звёзды и плевелы
за исключением одного.

Твой царский подарок,
швейцарский плеер,
не доставайся ты никому!

Мы столько клеили с тобой красавиц.
Моё дыхание в тебе осталось.

Тебя я брошу в пучину. За камни.
Мне море ответит чревовещанием.
Волна откликнется трёхэтажная.
Вернисажевая.

V

Лежу на пьедестале в белых тапочках.
Мысль в башке копается, как мышь.
Мой мозг уносят, точно творог в тряпочке,
смахнув щелчком замешкавшуюся мысль.

Нет жизни на Земле. Однако
поклонников зарвавшаяся рать
«зарвавшегося Пастернака»
(«мол, смерти нет») тащила умирать.

И дуновением нирваны
шло покаяние в Душе.
И в откровении Иоанна
написано, что «смерти нет уже».

Шли люди, взвивши штоф, как капельницы,
жизнь алкая и смерть алкая.

Офицеры, красавцы, капелевцы
шли психической атакою.

И с пистолетами, и с удавками,
нас теснили, хоть удержишь.
Толкая перед собой жизнь неудавшуюся,
как будто есть удавшаяся жизнь.

Нет правды на земле, но правды нет и выше.

Все — папарацци. Я осознавал,
как слышен дождь, идущий через крышу,
всеобщей смерти праздничный хорал.

Диагноз: плексит.
Господь простит.

Лангетка —
вроде голландского ландскнехта.

Боль крутящая, круглосуточная.
Это не шуточки...
Боль адская!
Блядская акция.
В небе молнии порез.
Соль щепоткой, побожись.
Жизнь — высокая болезнь.
Жизнь есть боль, и боль есть жизнь.

VI

Не думаю, что ты бессмертна,
но вдруг вернёшься

в «Арбат Престиж»?
Или в очереди на Башмета
рассеянно у соседа
ты спросишь:
«Парень, что свиристишь?»

Ты никогда не слыхала голос,
но узнаешь его из тыщ.

В твоём сознании раскололось:
вдвоём со мною засвиристишь.

Пустая абстрактнейшая свирельщина
станет реальнее, чем Верещагин.
Единственная в мире Женщина,
заверещаю.

Чуир, чуир, щурленец,
глаукомель!

P. S.

Стрелять в нас глупо, хоть и целебно.
Зараза движется на Восток.
И имя, похожее на «Бессребренников»,
несётся кометно чёрным хвостом.

Люблю я птичью абракадабру:
пускай она непонятна всем.
Я верую в Активатор Охабрино (!)
из звёздной фабрики «Гамма-7».

В нашем общем рейсе чартерном
ты чарку Вечности хватанёшь,
и окликнет птичью чакру
очарованный Алконост.

Арифметика архимедленна —
скоростной нас возьмёт канун.
Я вернусь спиралью Архимедовой:
ворона или Гамаюн?

Не угадывая последствие,
распрямится моя душа,
как пересаженное сердце
мотоциклиста и алкаша.

Всё запрещается? Заверещается.
Идут циничные времена.
Кому химичится? В Политехнический.
Слава Богу, что без меня.
Политехнический, полухохмический
прокрикнет новые имена.

Поэты шурятся из перемен:
«Что есть устрица? Это пельмень?»
Другой констатирует сердечный спазм:
«Могут ли мужчины имитировать оргазм?»
И миронически новой командой —
Политехнический Чулпан Хаматовой.

Всё завершается?
ЗАВЕРЕЩАЕТСЯ!

P. P. S.

И дебаркадерно, неблагодарно,
непрекращаемо горячо
пробьётся в птичьей абракадабре
неутоляемое «ещё!»

Ещё продлите! Пускай — «хрущобы».
Жизнь — пошло крашенное яйцо!
Хотя б минуту ещё. Ещё бы —

ЕЩЁ!

2007

ДО СВИДАНИЯ, ТЕДДИ КЕННЕДИ

Фотоциклетная поэма

Для мотоцикла есть передняя
и лунный полосатый сад.
Последняя, фотоциклетная
поэма, — с чем тебя едят?
Бессмертие — вопрос инстинкта.
И потому, как снегопад,
мои бесчисленные снимки
за мной по воздуху летят.
Вот я. Я с мамой. Я с собакой.
Со мной какой-то господин.
Разлука яблоком запахла.
Один среди моих картин.

С тобою вместе — я один.
Но жить бывает неохота.
Но и способствовать нельзя.
Что кто-то жаждет твоих фото,
чтобы выкалывать глаза.
Кто это с вами?
Сняты с кем-то?
По роже видно — ловелас.
Помилуйте! Да это ж Кеннеди!
Моя поэма — началась!

I

Два Кеннедя были плейбои и личности,
а третий отрёкся от их героичности.
Два Кеннедя были герои и бабники,
а третьему, Тедди, примера
брат не с кого.
Он просто любил протестантские
батники,
писал предисловье к стихам Вознесенского.

Поэты являют грацию.
Poets give us grace.
Горации, рации, Тагор. Рацио.
Газманов. Рацио.
Поэты не папарацци —
в этом есть прогресс.
Когда я читаю его предисловие,
выпущенное в издательстве «Дабл Дэй»,
я проникаюсь к нему любовью
и чувством общности меж людей.

В поэте есть чувство родины,
как в Америке — капитал.
Там гроздь чёрной смородины
поблескивают, как металлы.
Следом шло предисловие Одена,
которое он не читал.

— Позорник и трус, —
говорит ему мафия,
портретами братьев убитых помахивая.

— Прозорливы вы, —
говорит ему женщина,
не склонная к поражённой.

II

Он не был трусом. Элементарно.
Я Джона не видел.
Роберта знал.
В шкафах были трупы,
хранились тайно.
В Америку Роберт меня позвал.

Когда меня пинали ногами
Хрущёв с его «авторитетами»,
от Роберта к ним пришла телеграмма
от туре с университетами.

Как сделал он всё это грандиозно,
обиделись пиджаки.

И руки вздымали вверх стадионы,
как ножки запрокинутые жуки.

Жил я как все. Стишки корябал
на сквозняках твоих, Нью-Йорк.
Нью-Йорк поставил мне характер:
умей выныривать, нырок.

И попадая куром в ощиц,
я изнутри познал процесс
создания героев обществ
и проституток из принцесс.

С Жаклин как раз не было сложности.
Гипнотизировал прищур.
Похожая на энэлошницу
с перерасчётом на гламур,
она была мне как заложница
лямуров и иных фигур.

Гламур сейчас есть символ пошлого.
Признаюсь, я люблю гламур.
Он точно женщина без прошлого,
одетая в блестящий сюр.

Жизнь на неё потом наложится.
Монахиня или наложница —
единство противоположностей,
как говорил мне Генри Мур.

Она, как биржевой меняла,
меняла фишки на сантим

и в результате наполняла
стихи сиянием своим.

Кто был я им?
Опальный тимуровец,
я был заклинен тогда на Жаклин.
И что говорила мне женщина, жмурясь,
казалось, я понимал один.

Однажды её на каком-то сборище
спросил я, чтоб показаться умней:
— Как вам наш Хрущёв?
— Хрущёв — чудовище.
Мы сразу же подружились с ней.

Она прошептала:
— Он нас не лапал.
Просто сердился, что водку не пью,
и грязной своею царской лапой
подкладывал мясо в тарелку мою.

Мне это всё показалось странным:
— Зачем этот шепот, и здесь?
— Ведь вы же русский, а я иностранка.
Печально, что опыт есть.

Она мне писала потом в Россию.
Это было как стриптиз.
И что-то знала и просила:
«Остерегайтесь хищных птиц.

В имениях русского эстергади,
в чистоте дедовских криниц

вас попрошу я: остерегайтесь
хищных птиц. Остерегайтесь.

Как вольные самцы и самочки,
на ваших саммитах в отеле “Ритц”
вы не теряйте русской самости.
Остерегайтесь хищных птиц».

Пускай ваш хаос не расхищен —
не станьте тварями, творцы!
Не забывайте правды хижин,
переселяясь во дворцы.

А у младшего волосы, точно сучья,
венчали думающий лоб
и шею, мощную, барсучью,
которую за жизнь нагрёб.

Он был всегда точно проснувшийся,
дышал полуоткрытый рот,
как из невидимой форсунки
потягивая кислород.

Могли принять его за увальня —
огромное создание СМИ
со скулами на высшем уровне —
маркой Кеннедиевой семьи.

И всё: и вкус, и обоняние,
кураж непостижимых глаз —
их бешеное обаяние
обескураживало вас.

Он был людской волной сочувствия
так всенародно окружён
не только в милом Массачусетсе,
там, где профессорствовал он.

Чёрный с лиловыми губами
им никогда не помыкал.
Он новому Бараку Обаме
по-патриарши помогал.

Мы как-то обедали с ним
на Котельнической,
гостей развозил элегантный «порш»,
и Зоя, вечно беспредельничая,
варила нам интеллектуальный борщ.

Обед

— Поведайте нам, Тедди Кеннеди,
о братьях Джоне или Роберте.
Ведь их при вас почти угробили?
Читатель полон интереса.
— Есть мысль... но это не для прессы.
«Поэт не может быть скаредным», —
Гласит первая строка в газете
«Морковин Гардиан»
(типа нашего «МК»).

Мы наслаждались обедом,
подобно старым людоедам.
— Что поразило вас в обеде?
Скажите, Тедди.
— Обилье снеди. Фруктов масса.

И мясо солёное медведя
лежало в ломтях ананаса.
Лапшою на вносимом блюде
лежали вяленые люди.
— Они вкусней вчерашней леди?
Скажите, Тедди.
Мы дискутировали, музицировали,
девчонки маялись на цирлах.
— Кто был главный дискуситель?
— Ведущая Мария Ситтель*.
— Мы в детстве были хулиганами?
Вопрос звучит неэлегантно.
Я вам отвечу на вопрос в пандан:
— А хули вам.
— Скажите лучше о Москве.
Не смотрят москвичи ТВ.
— Вчера меня дал
Первый канал.
Сегодня в метро нас никто не узнал.
— А дама в красном одеянье?
— Вы о Дайане?
Забыла где-то на диване
свой шёлковый персидский кошелёк.
— Я всё прошу, я не Шерлок.

Люблю людей. Как смог я доблестно
съесть две Владимирских области?
А также Алтайский край?
Алтай для русских — как алтарь.
Здесь об Алтае не болтай.

---

* Строка из стихотворения «Мегеры за мир» поэтессы Сапгир, живущей в Париже.

— А что вас, Тедди, роднит с Андреем?
— Мы от прекрасного дуреем.
Мы пиджаки ему простим.
Мы Джеки хоронили вместе.
Я помню: как-то клык моржовый
он из Якутска приволок.
Я помню ярость мажордома.
Поэт, наверное, пророк.
Большая честь с ним пить и есть.
— Где лучше жить? Там или здесь?
— Там лучше жить, здесь лучше петь.
И там и здесь Хамдамов есть.
И здесь и там
рыбный стол по четвергам.
— Способствуют ли
глобальному потеплению
Девушки из стран Балтии?
— Перед употреблением
их необходимо взбалтывать.
— Об оргиях.
— Их архаизм утомляет организм.
— Вы имеете в виду оргазм?
— Не понимаю ваш сарказм.
— За соучастие в беседе
спасибо, Тедди.
— Скажите, Тедди, — или слишком рано? —
о неземном происхождении клана.
Не буду делать ставок очных.
Скажите, Тед, вы — энэлошник?
Тед Кеннеди:
— Полно дел срочных.

Не забывайте, я — ирландец.
Мне непонятен смерти страх.
Ирландцы, мы хохмим, горланим
и пляшем на похоронах.

Уходит.

Голос за кадром:

— Спасибо, «Морковин Гардиан».

Где запропастились кенари?

Нет красногрудых птах.

— И вам не страшно, Тедди Кеннеди,
жить под псевдонимом «Патриарх»?

— Мы живём, себя растратив,
перед вами два пути:

быть в борьбе скандальных братьев
иль в сторонку отойти.

Нету третьего пути.

Пока праведно убитые
отлеживаются в гробу,
народ делит свои обиды,
увеличивается табу.

Отвечает Тедди Кеннеди,
патриотический перегар:

— Благодарствую за пендели
и кликуху «Патриарх».

Может, третьей нет дороги.

Но я третий путь нашёл.

Это мой четвероногий,
цветаевский рабочий стол.

На стол ставлю чай и крендели.
Вы ж бегите за вином.
Я писал стихи о Кеннеди,
а написалось об ином.

Лифт

Дом без лифта. Дым без фильтра.
Без конфликта нету флирта.
Вверх. Вниз. Вниз. Вверх.
Вернись, изувер.
Лифт. Лэфт. Блеф. Лофт.
Дефолт. Во времена дефолта
не летайте самолётами «Аэрофлота».
Пейзажист Коро.
Пей за жизнь, Коро!.. о рок, орок...
Штокгаузен. Брамс. Блямс. Блямс.

Лифт похож на Нотр-Дам.
По этажам, как по годам.
Лифт стоит, как позвоночник.
Средь его гостей полночных
в клетке лифта мчится Кеннеди.
Он кумир московской челяди.
Сам, конечно, вдрабадан.
В окруженье милых дам.
Нету Кеннеди. Где Кеннеди?
Справа. Слева. Сзади. Спереди.
Неизвестность и туман.

Так случалось с ним нередко.
Без таблетки. Без розетки.

— Закусите табуреткой! —
Крикнул он и смылся в зал.
Только лифтовая сетка
Сзади. Снизу. Сверху. Спереди.
Нету Кеннеди.

Сбоку от летящей клетки,
как ужасный зоосад,
нам не видимые предки
ждут. Волнуются. Кричат.
До свидания, мистер Кеннеди!
Мой подарок к Рождеству.
Думаю, себя не клепите,
примыкая к большинству.
Ничего вы не измените
ни в себе, ни в потрохах,
до свидания, Тедди Кеннеди.
До свидания, Патриарх.

Вы хитры, как Патрикеевна.
Нам — ГУЛАГ, а вам — гуд лак?
До свидания, Патрик Кеннеди.
Ваш ирландский дог кудлат?

До свидания, братья Кеннеди!
До свидания, Джон Кеннеди!
До свидания, Роберт Кеннеди!
До свидания, Эдвард Кеннеди!
До свидания, Джеки Кеннеди!
До свидания, Жаклин!
Что уносите в небо, — лебеди?
Или журавлиный клин?

До свидания, гирлянды,
нарисованные на стенах, —
носят по двое их ирландцы,
как раненых на простынях.

До свидания, до свидания.
Малость ты меня подожди.
До свидания, святая...
Маленькая леди Ди.
До свидания, новый Кеннеди.
Наша встреча ещё впереди.
Ты, забытая мною в Ташкенте,
Господи, не приведи!
До свидания, поэма.
(Музыка Тариверди...)

Вам снятся крепкие девицы,
полуодетые в кримплен.
Ты не буди меня, мне снится
Прощание с Жаклин.

Бабочка

Она выводила меня из потёмок
салонов, выставок и могил.
Хотела скупить все мои видеомы —
я с ходу ей бабочку подарил.
Звалась она бабочкою Набокова.
Мы с лёта удивление смахнём.
Среди эмигрантского быта убогого
родился малиновый махаон.

Она его в спальню свою присобачила.
Баю-бабочку — парвеню.
Чтобы как лейбл на стеклянной баночке
глядела на Пятую авеню.
Когда через год я вернулся опять,
видеому её напрокат
для Европы дала,
меня повстречали замолкшего
чёрные зеркала.
И вновь небеса озарятся мозаикой.
Над долиной горит газолин.
Бабочка, оставшаяся без хозяйки,
стала бабочкой Жаклин.

Послесловие

Не богословская система,
не мемуарное враньё —
фотоциклетная поэма,
ты — послесловие моё.
Я выйду после написанья
с прошедшей жизнью визави,
как понимаете вы сами,
опустошённый от любви.
Как луг некошенный, роскошный.
Как направлением права,
из брошенных собак и кошек
растёт зелёная трава.
И сердце втихомолку ёкнет,
когда увижу издали,
как мной посаженные ёлки
чуть отделились от земли.

Читая Уголовный кодекс,
я понимаю, почему
мои товарищи уходят
по одному, по одному...
Я помню — мы любили группой,
но почему-то жгло глаза:
следя, как медленно по крупу
сползала мутная слеза.
Один шагаю в мирозданье.
И никогда, и никогда
я не стремился в групп-изданья.
Я — одинокая звезда.
Благодарю вас за расходы,
я через несколько минут
уйду. И никакие фото
меня обратно не вернут.

Роберт качал рассеянно
целой ещё головой,
смахивал на Есенина
падающей копной.
Как у того, играла
луна над бровью.
Думали — для рекламы,
а обернулось кровью.
Незащищённость вызова
лидеров и артистов,
прямо из телевизора
падающих на выстрел.

2010

АРТИСТ

Я вам спою ещё на бис
не песнь свою, а жизнь свою.
Нельзя вернуть любовь и жизнь,
но я артист.
Я повторю.

СОДЕРЖАНИЕ

Боль.....	5
-----------	---

Вертикальные озёра

Когда есть ты	11
Дополнение к стихотворению «Когда есть ты»	13
«Взгляд Твой полон одной любовью...»	14
От трёх до четырёх	15
Сполох.....	17
Одной.....	20
Скандал.....	21
Сестра	24
«Сиделка в синем сарафане...».....	26
Телефон.....	26
Тень вертикальная.....	27
Гламурная революция.....	29
2.009.....	31
Смерть Нолика.....	32
Чужеродное.....	34
Без «Б».....	34

Разные книги	37
Новогодние прогулки с сексом	37
«Ты чувствуешь, как расправляется...»	39
«Пей отраву, ешь “ризотто”...»	39
Ода моей левой руке.....	40
Плач по юности	42
БГ — для двоих	43
Беллада	45
Растворение.....	48
Целебная трава.....	49
Жизнь.....	49
Экс.....	49
Благодарствие.....	50
Я всё не сдохну.....	51
Кто чей?	53
Линней	54
Танкетки	55
Играура	56
Её сон	57
Архитекстор.....	57
Часовня Ани Политковской (<i>Поэма</i>)	63
«Утром вставши, порубавши...»	72
Похороны Абдулова.....	72
Кормление из Парижа.....	75
Вторая жизнь	76
Ф-ки.....	77
К образу	78
Я — Аввакум (<i>Поэма</i>)	78

Свежесть чувств

Свежесть чувств.....	97
«Во мне живёт непостижимый свет...».....	98
Нищий храм.....	100
Русские европейцы.....	101
Самые.....	103
«Красит, извините, мрак...».....	104
Чайке (<i>Три телеграммы в город Николаев</i>)	105
Люблю подарки	106
Лунная дорожка.....	106
Ученики	107
«Нынче комплекс Эдипа...».....	107
Саша — США (<i>Прозаическая поэма</i>)	108
Сизирк.....	114
Два экспромта Алексею Рыбникову по случаю получения им премии «Триумф».....	115
Триумфаторка.....	116
Липы цветут.....	118
Вальс	118
«Свист шоссе — как лассо...»	119
О палиндроме	120
Derp jumping	120
Чёрное море.....	121
О казалось.....	122
Сигалки.....	122
В Ту лузу.....	123
Девочке Кате.....	124

«Спас Космический, Спас Медовый...»	125
Шоссе летом.....	125
Стихозавязь	126
«Мой кулак снёс мне полчелюсти...»	126
Гей, славяне!	127
«Убрать болтливого вождя...»	127
Происшествие, которое случилось 10 декабря 2007 года в вашингтонском соборе Святителя Николая	128
Тайна.....	130
Новогоднее	130
Парадигма	131
Смерть генерала	132
Ямбы	132
«— Ты губы свои называла: “Твой поридж”...»	133
Дрозды	134
Нана	134
Дом с ручкой.....	135
Пацанус (<i>Басня</i>)	136
Дерьмода.....	137
Ёлочные пальчики	140
Большое заверещание (<i>Поэма</i>)	142
До свидания, Тедди Кеннеди (<i>Фотоциклетная поэма</i>)	151
Артист	166

В издательстве «Время»
вышла в свет
книга Андрея Вознесенского

Вознесенский А. А. СтиХХІ. — М.: Время, 2006. — 248 с.: ил. — (Поэтическая библиотека). — ISBN 5-9691-0141-9.

«XX век улетает, тлея, как два креста святого Андрея». В новую книгу классика современной русской поэзии Андрея Вознесенского вошли стихи XXI века. Те же блеск и ясность метафор, та же напряжённая строка, та же чёткость «картинки» перед глазами. Но — новый мотив: «Работа тяжёлая — воскресение: осталась кровавая мука испарины». И вывод, с которым нельзя не согласиться: «Я потрясающе воскресаю».

В издательстве «Время»
вышла в свет
книга Андрея Вознесенского

Вознесенский А. А. Тьмать. — М.: Время, 2008. — 608 с.: ил. — ISBN 978-5-9691-0218-7.

«Поэт — всегда или первый, или никакой» — это Андрей Вознесенский сказал о себе. Уже много лет и десятилетий он — первый. И эту свою новую книгу создал не как последнюю, а как самую первую, собрав в неё и пожар в Архитектурном, и прощание с Политехническим, и осень в Сигулде, и «невыносимо горят на синем твоим прощальные апельсины», и «Аве, Оза», и «Нашу веру зовут “Авось!”», и «Есть русская интеллигенция, есть!»... От пятидесятых, через девяностые и двухтысячные — до самых новых стихов, до «Часовни Ани Политковской» и «Большого заверещения» с его финальным «Хотя б минуту ещё. Ещё бы — ЕЩЁ!»

Литературно-художественное издание
Серия «Поэтическая библиотека»

Андрей Андреевич Вознесенский
Ямбы и блямбы

Подготовка к изданию
Владимир Кочетов

Редактор
Лариса Спиридонова

Корректор
Ирина Машковская

Вёрстка, оформление
Юрий Васильков

Подписано в печать 31.03.2010.
Формат 70×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 8,4.
Бумага писчая. Печать офсетная.
Гарнитура Charter.
Тираж 2000 экз. Заказ № 234.

«Время»
115326, Москва, ул. Пятницкая, 25.
<http://books.vremya.ru>
letter@books.vremya.ru
(495) 951 55 68

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru>
book@uralprint.ru

Один шагаю в мирозданье.
И никогда, и никогда
я не стремился в групп-изданья.
Я — одинокая звезда.
Благодарю вас за расходы,
я через несколько минут
уйду. И никакие фото
меня обратно не вернут.

Андрей Вознесенский

<http://books.vremya.ru>

информационная поддержка